БОЙ ПРИ ЦУСИМѢ

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

БОЙ ПРИ ЦУСИМѢ

ПАМЯТИ «СУВОРОВА»

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Вас. Остр., 16 линія, д. 5—7.
1910

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, соб. домъ
1910

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Многіе читатели, особенно изъ числа родственниковъ моряковъ, участвовавшихъ въ бою при Цусимѣ, неоднократно обращались ко мнѣ съ запросами:—Почему, такъ подробно изложивъ обстоятельства, предшествовавшія бою, и самый бой на протяженіи двухъ съ небольшимъ часовъ, я даю далѣе лишь отрывочныя замѣтки, комментированныя ссылками на японскіе источники, а вмѣстѣ съ послѣдней моей записью, въ 7 ч. 40 м. вечера 14 мая, вовсе обрываю разсказъ?—Иные прямо говорили, что мнѣ слѣдовало бы продолжить его, руководствуясь, за неимѣніемъ замѣтокъ, хотя были, воспоминаніями.

По поводу этихъ обращеній ко мнѣ, приступая ко второму изданію моей книги, которую я дополнилъ по мѣрѣ возможности,—вынужденъ сказать нѣсколько словъ лично о себѣ, чего такъ усиленно избѣгалъ въ первоначальной редакціи изъ опасенія

вызвать обычный, въ подобныхъ случаяхъ, упрекъ, что авторъ повѣствуетъ не столько о развитіи боя и о дѣйствіяхъ окружающихъ, какъ о собственной особѣ. Можетъ быть, моя мнительность оказалась чрезмѣрной, и я впалъ въ другую крайность...

Необходимо объясниться.

Многочисленными наблюденіями твердо установлено, что при томъ наивысшемъ напряженіи нервной системы, которое испытываетъ человѣкъ въ горячкѣ боя, раны, даже тяжелыя, почти не чувствуются имъ, и, пока онъ въ силахъ держаться на ногахъ, онъ всегда увѣренъ, что это пустяки, что его только «задѣло», даже оцарапало.

Такъ было и со мной.

Тяжело раненый въ правую ногу около 3 ч. пополудни, а вскорѣ послѣ того—серьезно въ лѣвую [1]), получивъ еще нѣсколько мелкихъ пораненій, контузій и ушибовъ, я совершенно не оцѣнивалъ своего положенія, не находилъ нужнымъ обращаться къ медицинской помощи и даже сердился, когда окружающіе убѣждали меня пойти на перевязку. Чувствуя себя бодрымъ и сильнымъ я продолжалъ оставаться при исполненіи своихъ обязанностей,—записывалъ моменты, отмѣчалъ выдающіяся событія, участвовалъ въ работахъ по тушенію пожаровъ и даже руководилъ ими, распоряжался, отдавалъ приказанія... Все, конечно, до поры до времени... Меня хватило часа на два, на три... Въ моментъ подхода «Буйнаго» къ «Суворову» я уже не могъ двигаться безъ посторонней помощи, а послѣ пересадки на

---

[1]) Я употребляю слова «тяжело» и «серьезно» не какъ передающія личныя мои ощущенія, но какъ медицинскіе термины, употреблявшіеся при освидѣтельствованіи меня комиссіей врачей «на предметъ зачисленія подъ покровительство Александровскаго комитета о раненыхъ».

«Буйный» — окончательно свалился съ ногъ. Мои послѣднія замѣтки я дѣлалъ лежа на палубѣ. Въ 7 ч. 40 м. вечера—была послѣдняя... Дальше могли бы быть только воспоминанія, но имъ, въ боевой обстановкѣ, я вообще мало довѣряю, что же касается воспоминаній раненыхъ, то они, почти всегда, весьма далеки отъ истины. Наиболѣе ярко я убѣдился въ этомъ на собственномъ опытѣ.—Казалось бы, что лучше и отчетливѣе можно помнить, какъ не собственныя дѣйствія?.. Ну, такъ вотъ: — мнѣ представлялось (представляется совершенно ясно и теперь), что, сдѣлавъ мою послѣднюю запись и почувствовавъ себя дурно — слабость, головокруженіе, тошнота и жестокая жажда—*я немедленно* (т. е. около 8 ч. вечера) спустился внизъ, *самъ* разыскалъ фельдшера, разсказалъ ему, куда и какъ раненъ, былъ перевязанъ, попросилъ пить и пилъ что-то освѣжающее... Между тѣмъ тотъ-же фельдшеръ, вовсе не раненый, находившійся тогда въ здравомъ умѣ и полной памяти, свидѣтельствовалъ подъ присягой, что *лишь около полночи,* зайдя въ каютъ-компанію миноносца, онъ *нашелъ меня* тамъ и подалъ мнѣ первую медицинскую помощь, при чемъ, по его словамъ, я сидѣлъ у стола, опершись на него, и подо мной была лужа крови... Какъ это объяснить?—можетъ быть, мучаясь жаждой, я мечталъ о томъ, какъ пойду внизъ, какъ позову фельдшера и т. д.—а бредъ довершилъ остальное?.. Не знаю. Въ госпиталь меня доставили съ температурой 40°. Веденіе моего дневника я возобновилъ только вечеромъ 26 мая, когда, лежа на койкѣ, впервые оказался въ силахъ написать нѣсколько строкъ...

Вотъ почему, называя въ моей книжкѣ участниковъ боя полными именами и, тѣмъ самымъ, связанный обязательствомъ быть въ своемъ изложеніи документально точнымъ, — я не осмѣливаюсь вѣрить ни своимъ, ни чужимъ «воспоминаніямъ», разъ

только онп не подтверждены хотя бы самой краткоії записью, сдѣланной въ моментъ совершавшагося событія.

Но что записано—то было. За это я ручаюсь.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность лицамъ, почтившимъ мой скромный трудъ переводомъ его на иностранные языки, а именно: командующему отрядомъ судовъ на Дальнемъ Востокѣ контръ-адмиралу Boisse de Black и подполковнику Painvin (Франція), капитанъ-лейтенанту Gercke (Германія), подполковнику W. E. Gowan (Англія), капитану Бьеркманъ (Швеція) и лейтенанту A. Levi Bianchini (Италія).

Вл. Семеновъ.

P. S. Книга эта печатаніемъ была уже закончена, когда я получилъ изъ Лондона еще одинъ переводъ ея на англійскій языкъ (съ перваго изданія).

Переводъ исполненъ капитаномъ A. B. Lindsay (2-nd King Edward's Own Gurkha Riffles), снабженъ предисловіемъ, написаннымъ Sir George Sydenham Clarke (G. C. M. G., F. R. S.), и выдержалъ уже три изданія.

В. С.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ

ПОГИБШИМЪ ГЕРОЯМЪ!..

БОЙ ПРИ ЦУСИМѢ.

Памяти „Суворова“.

I.

...Свѣжій вѣтеръ уныло гудитъ въ стальныхъ снастяхъ рангоута и сердито гонитъ низкія, рваныя тучи; мутныя волны Желтаго моря глухо плещутся о борта броненосца; мелкій, холодный дождь слѣпитъ глаза; сырость пронизываетъ до костей... и тѣмъ не менѣе группа офицеровъ все еще стоитъ на заднемъ мостикѣ, провожая глазами медленно скрывающіеся за сѣткой дождя силуэты транспортовъ.

На мачтахъ, на нокахъ рей развѣваются сигналы — это наши спутники въ дальнемъ и тяжеломъ плаваніи шлютъ намъ свое послѣднее прости, свои послѣднія пожеланія.

Отчего на морѣ этотъ братскій привѣтъ, выраженный сочетаніемъ флаговъ, такъ волнуетъ душу, говоритъ ей больше всякихъ салютовъ, криковъ, музыки?.. Почему, пока не спущенъ сигналъ, всѣ смотрятъ на него, молча

й сосредоточенно, словно это живыя слова, а не пестрыя тряпки вьются по вѣтру и мокнутъ подъ дождемъ?.. а когда сигналъ спущенъ, отворачиваются, и каждый, также молча, идетъ къ своему дѣлу? — Словно дано послѣднее, безмолвное рукопожатіе,—простились окончательно...

— Ну и погода!—восклицаетъ кто-то, чтобы нарушить молчаніе.

— Погода богатѣйшая!—возражаетъ другой дѣланно шутливымъ тономъ, — еслибы такую до самаго Владивостока, то и слава Богу! Никакой генеральной баталіи не устроишь!..

Снова запестрѣли сигналы,—эскадра, отпустивъ транспорты въ Шанхай, перестраивалась въ новый и *послѣдній* походный порядокъ.

Впереди, въ строѣ клина, шелъ развѣдочный отрядъ изъ трехъ судовъ: „Свѣтлана“, „Алмазъ“ и „Уралъ“; затѣмъ эскадра въ двухъ колоннахъ: правую составляли I и II броненосные отряды, то-есть 8 кораблей—„Суворовъ“, „Александръ“, „Бородино“, „Орелъ“, „Ослабя“, „Сысой“, „Наваринъ“, „Нахимовъ“; въ лѣвой были III броненосный и крейсерскій отряды, то-есть тоже 8 кораблей — „Николай“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, „Ушаковъ“ и „Олегъ“, „Аврора“, „Донской“, „Мономахъ“. По обѣ стороны эскадры на линіи головныхъ броненосцевъ, держались „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“;

при каждомъ изъ нихъ по парѣ миноносцевъ,— это были наши дозорные справа и слѣва. Сзади, слегка врѣзавшись между нашими колоннами, шла колонна транспортовъ, которые *необходимо было* довести до Владивостока [1]), — „Анадырь“, „Иртышъ“, „Корея“, „Камчатка“; тутъ-же, всегда готовые подать помощь, водоотливные и буксирные пароходы—„Свирь“ и „Русь“. Пять миноносцевъ (2-е отдѣленіе) держались при крейсерскомъ отрядѣ, имѣя назначеніемъ въ бою, совмѣстно съ нимъ, защищать транспорты отъ непріятеля. Совсѣмъ позади шли госпитальныя суда—„Орелъ“ и „Кострома“.

Такое расположеніе судовъ давало возможность, въ случаѣ появленія непріятеля, быстро, безъ сложныхъ маневровъ (а значитъ и безъ замѣшательства), перестроиться въ боевой порядокъ; развѣдочный отрядъ, ворочая въ сторону *отъ* непріятеля, уходитъ на соединеніе съ крейсерскимъ, который отводитъ транспорты отъ мѣста боя и защищаетъ ихъ отъ покушеній непріятельскихъ крейсеровъ, а I и II броненосные отряды, увеличивъ ходъ и скло-

---

[1]) Жестокая иронія: мы стремились прорваться къ своей *базѣ*, имѣя приказаніе, по возможности, привезти все съ собой, чтобы не обременять ее (*т.-е. базу*) требованіями матерьяловъ и запасовъ. такъ какъ желѣзная дорога съ трудомъ обслуживаетъ армію, и намъ на нее нечего разсчитывать.

нившись „всѣ вдругъ“ [1]) влѣво, выходятъ подъ носъ III отряду и ложатся на старый курсъ, вслѣдствіе чего всѣ три отряда оказываются въ одной кильватерной колоннѣ. Образуется линія нашей кордебаталіи — 12 броненосныхъ кораблей. „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“, маневрируя „по способности“ и пользуясь своей скоростью, вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ миноносцами занимаютъ мѣста у головного и концевого кораблей главныхъ силъ (или у фланговыхъ кораблей) со стороны противуположной непріятелю, внѣ перелетовъ его снарядовъ; ихъ назначеніе — отражать попытки обхода со стороны непріятельскихъ миноносцевъ.

Вотъ была заранѣе выработанная картина приготовленія къ бою, извѣстная каждому офицеру на эскадрѣ. Различныя особенности перестроенія, зависящія отъ того, въ какомъ именно направленіи будетъ обнаруженъ непріятель,

---

[1]) «Всѣ вдругъ» имѣетъ буквальное значеніе: всѣ корабли одновременно ворочаютъ въ ту-же сторону, на тотъ-же уголъ, чѣмъ достигается параллельное самой себѣ перемѣщеніе ихъ линіи вправо или влѣво одновременно съ движеніемъ впередъ въ зависимости отъ величины угла поворота. Повернувъ черезъ нѣкоторое время опять «всѣ вдругъ» на тотъ-же уголъ, но въ обратную сторону, корабли опять оказываются въ строѣ кильватера, но на нѣкоторомъ разстояніи вправо, или влѣво отъ прежняго своего пути.

«Всѣ вдругъ» противополагается термину «послѣдовательно», когда каждый корабль ворочаетъ, только придя на мѣсто поворота идущаго впереди, то-есть идетъ по его слѣду.

руководящія правила для дѣйствія артиллеріи, порядокъ оказанія помощи пострадавшимъ судамъ, переносъ адмиральскаго флага съ одного корабля на другой, передача командованія и т. п.—были изложены въ особыхъ приказахъ командующаго, но эти подробности представляютъ мало интереса для читателей, незнакомыхъ съ морскимъ дѣломъ.

День прошелъ спокойно. Къ вечеру на „Сенявинѣ" случилось поврежденіе въ машинѣ. Всю ночь шли малымъ ходомъ. Въ каютъ-компаніи „Суворова" офицеры сердились и бранили „самотопы" (такъ прозваны были корабли Небогатова). Впрочемъ раздраженіе было, хотя и естественно, но не совсѣмъ справедливо: мы сами были немногимъ ихъ лучше. Наше долгое плаваніе—это былъ длинный скорбный листъ нашихъ котловъ и механизмовъ и мартирологъ нашихъ механиковъ, которымъ приходилось и рожь на обухѣ молотить и тришкинъ кафтанъ перешивать на-ново...

За ночь, по первому холодку послѣ полугода тропиковъ, отлично выспались, хотя конечно „по-вахтенно", т.-е. полъ-ночи одна половина офицеровъ и команды у орудій, а полъ-ночи—другая.

13 мая тучи порѣдѣли; выглянуло солнышко, но по морю еще стлалась густая мгла, хотя дулъ довольно свѣжій SW.

Предполагая использовать все свѣтлое время

на проходъ вблизи японскихъ береговъ, гдѣ вѣроятнѣе всего было ожидать минныхъ атакъ, адмиралъ назначилъ быть эскадрѣ въ средней точкѣ ея пути Цусимскимъ проливомъ въ полдень 14 мая.

При такомъ разсчетѣ у насъ оставалось въ запасѣ около 4 часовъ, которые и были употреблены на „послѣднее обученіе“ маневрированію.

Еще разъ... *послѣдній* разъ пришлось вспомнить старую истину, что „эскадра“ создается долгими годами практическаго плаванія (плаванія, а не стоянки въ резервѣ) въ мирное время, а составленная на спѣхъ изъ разнотипныхъ кораблей, даже совмѣстному плаванію начавшихъ учиться только по пути къ театру военныхъ дѣйствій, — это не эскадра, а случайное сборище судовъ...

Перестроеніе въ боевой порядокъ (по своей простотѣ) еще выходило довольно сносно, но дальше... Особенно портилъ дѣло III отрядъ, хотя можно ли было винить въ этомъ его адмирала и командировъ? За время практическихъ плаваній близъ Мадагаскара и скитанья у береговъ Аннама корабли нашихъ отрядовъ хоть нѣсколько, подучились, хоть нѣсколько ознакомились другъ съ другомъ, что называется — „спѣлись“. Третій отрядъ присоединился къ намъ всего двѣ недѣли тому назадъ, присоединился, чтобы совершить совмѣстный

переходъ и вступить въ бой. Учиться было ужъ некогда.

Адмиралъ Того 8 лѣтъ, не спуская флага, командовалъ постоянной эскадрой. Пять вице-адмираловъ и семь контръ-адмираловъ, участвовавшихъ со стороны японцевъ въ Цусимскомъ сраженіи въ качествѣ начальниковъ отрядовъ и младшихъ флагмановъ, а также и командиры судовъ — все это были товарищи и ученики Того, воспитавшіеся подъ его руководствомъ.

Въ данный моментъ мы могли сожалѣть о своей неподготовленности и... только.

Для предстоящаго боя приходилось пользоваться тѣмъ, что было въ рукахъ.

Адмиралъ предполагалъ (и дѣйствительность вполнѣ оправдала его предположеніе), что въ рѣшительномъ бою Того выступитъ во главѣ своихъ 12 лучшихъ броненосныхъ судовъ. Противъ нихъ Рожественскій выставлялъ тоже 12, которыя велъ лично. Въ поединкѣ этихъ двухъ силъ очевидно лежалъ центръ тяжести боя. Разница между нашими и японскими главными силами была, и даже существенная: самый старый изъ 12 кораблей Того — броненосецъ „Фудзи"— былъ все-же на два года моложе „Сысоя", который среди нашихъ 12 стоялъ шестымъ по старшинству. Скоростью хода непріятель превосходилъ насъ почти въ $1^1/_2$ раза... Про главное преимущество

японцевъ—ихъ новые снаряды—мы еще и не подозрѣвали.

Среди маневрированія, день 13 мая прошелъ незамѣтно.

Не знаю, какъ на другихъ судахъ, но на „Суворовѣ“ настроеніе было бодрое и хорошее. Чувствовалась нѣкоторая озабоченность, но безъ суеты. Офицеры, чаще обыкновеннаго, заглядывали въ команду, обходили свои части, разъясняли, толковали, даже спорили со своими ближайшими помощниками.

Нѣкоторые, вдругъ надумавшись, сдавали на храненіе въ денежный сундукъ дорогія по воспоминаніямъ вещи, только что написанныя письма...

— Совсѣмъ точно въ отъѣздъ собираются,— остановилъ меня старшій артиллеристъ, лейтенантъ Владимірскій, показывая на матроса, сосредоточенно копавшагося въ чемоданчикѣ.

— А вы ужъ собрались?

— Я? — удивился онъ... и вдругъ разсмѣялся,—представьте, уже собрался!

— То-то, то-то! — вмѣшался въ нашъ разговоръ старшій минеръ, лейтенантъ Богдановъ, ветеранъ прошлой войны, раненый при взятіи Таку,—вѣдь завтра, а не то и сегодня ночью— пожалуйте въ контору—къ разсчету стройся!

На этого, кажется, никакая обстановка не производила никакого впечатлѣнія.

— А у васъ нѣтъ... предчувствія? вѣдь

вы ужъ были въ бою...—спросилъ подошедшій молодой мичманъ, державшій въ карманѣ руку (явно съ письмомъ, предназначеннымъ для сдачи въ денежный сундукъ).

Богдановъ даже разсердился.

— Какое тутъ предчувствіе! Я вамъ не гадалка! Вотъ если завтра придется на своихъ бокахъ посчитать японскія пушки,—сразу почувствуете, а предчувствовать нечего!

Подошли еще офицеры. Въ несчетный разъ поднялся споръ: весь ли японскій флотъ встрѣтимъ у Цусимы, или часть его?

Оптимисты утверждали, что Того дастся въ обманъ и пойдетъ караулить насъ на сѣверъ, такъ какъ „Терекъ" и „Кубань" еще 9-го ушли къ восточнымъ берегамъ Японіи и ужъ навѣрно тамъ нашумѣли [1])! Противная партія возражала, что Того не хуже насъ понимаетъ обстановку и знаетъ, что для похода кругомъ Японіи въ одинъ пріемъ угля не хватитъ—надо грузиться. Гдѣ?—это не тропики; здѣсь на погоду нельзя разсчитывать, а значитъ и нельзя разсчитывать на погрузку въ открытомъ морѣ. Укрыться въ какой-нибудь бухтѣ?—вездѣ телеграфъ и, конечно, повсюду наблюдательные посты. Того будетъ своевременно увѣдомленъ и спѣшитъ на сѣверъ ему

---

[1]) Судьба намъ не благопріятствовала: «Терекъ» и «Кубань» за все это время никого не встрѣтили и ничѣмъ не заявили о своемъ присутствіи.

не за чѣмъ. Если бы даже намъ удалось погрузиться въ морѣ и незамѣтно подойти къ одному изъ проливовъ, то тутъ ужъ никакъ не спрячешься, а благодаря ихъ узкости — получи: и минное загражденіе, и плавающія мины, набросанныя по пути, и атаки миноносцевъ, возможныя даже среди бѣлаго дня. Въ туманъ или ненастье въ эти проливы не сунешься, особенно эскадрой, да еще съ транспортами... Да, наконецъ, если бы Богъ и пронесъ насъ черезъ все это, что дальше? — та же встрѣча съ японскимъ флотомъ, который отъ Цусимы всегда успѣетъ выйти на пересѣчку нашей эскадрѣ, притомъ уже претерпѣвшей отъ миноносцевъ и минъ всякаго рода въ проливахъ...

— Позвольте, позвольте, господа! Прошу слова! — возвысилъ голосъ старшій штурманъ Зотовъ (онъ же и первый лейтенантъ), любившій и умѣвшій поспорить.—Очевидно, что для насъ наилучшій путь восточная часть Корейскаго пролива. Помимо всякихъ другихъ соображеній, по-моему, главное, что здѣсь широко, глубоко, свободно для маневрированія и безопасно для плаванія въ какую угодно погоду. Даже, чѣмъ погода хуже, тѣмъ для насъ лучше. Все это говорено-переговорено, жевано-пережевано, и сами вольтерьянцы не станутъ объ этомъ спорить. Полагаю, Того не глупѣе насъ и также хорошо все это понимаетъ. Кромѣ

того, полагаю, что употребленіе циркуляра и четырехъ правилъ ариѳметики ему также извѣстно, а тогда онъ безъ труда разсчитаетъ, что если бы мы выкинули такой трюкъ, какъ походъ кругомъ Японіи, и рѣшились бы завѣдомо, еще до встрѣчи съ нимъ, вытерпѣть минную войну, то онъ все же вполнѣ успѣетъ перехватить насъ по дорогѣ во Владивостокъ, если въ то время, какъ мы съ океана подойдемъ къ проливамъ, тронется въ походъ отъ... (вниманіе, господа!) отъ сѣверной оконечности Цусимы... Минная оборона проливовъ несомнѣнно давно уже организована. Военные порта Аомори и Муроранъ—подъ бокомъ. Кто этого не знаетъ — тому стыдно. Можетъ быть онъ еще отдѣлитъ туда кое-что изъ минной мелочи, но самъ съ главными силами (скажу даже — со всѣмъ флотомъ) гдѣ можетъ онъ находиться?.. Или нѣтъ, ставлю такой вопросъ: гдѣ долженъ онъ находиться?—Утверждаю, что нигдѣ иначе, какъ близъ сѣверной оконечности Цусимы, а такъ какъ въ морѣ ему болтаться не за чѣмъ, то онъ стоитъ въ какой-нибудь бухтѣ...

— Напримѣръ, въ Мазампо! — перебилъ младшій штурманъ, мичманъ Баль.

— Согласенъ и на Мазампо, но позвольте кончить. Надежды на отсутствіе главныхъ силъ японцевъ я считаю ребячествомъ. По моему мнѣнію, мы достигли кульминаціонной точки

нашей авантюры. Завтра будетъ рѣшеніе: или по вертикалу, — Зотовъ энергично махнулъ рукой сверху внизъ, — или, — и онъ тихо повелъ рукой вправо, плавно опуская ее книзу,— медленно, но вѣрно, по параллели къ точкѣ захода...

— Какъ? Почему? Отчего къ точкѣ захода?—запротестовали кругомъ...

— Оттого, что если и не сразу,—крикнулъ Зотовъ, — то конецъ все тотъ же! Пройти во Владивостокъ съ побѣдой, овладѣть моремъ — нельзя и думать! Можно только проскочить! А проскочивши — за 2—3, много 4, выхода сожжемъ всѣ запасы угля и отцвѣтемъ, не успѣвши расцвѣсть. Будемъ готовиться къ осадѣ, свозить пушки на берегъ, обучать команду штыковому бою...

— A bas! à bas! Conspuez le prophête! — шумѣли одни...

— Hear! Hear! Strongly said! — кричали другіе...

— Что за австрійскій парламентъ! Дайте ему кончить! — гудѣлъ басъ Богданова.

— Отбросивъ рѣшеніе вопросовъ далекаго будущаго, которые приводятъ господъ присутствующихъ въ такое возбужденіе, — продолжалъ Зотовъ, воспользовавшись минутой затишья,—позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о ближайшемъ. Я предусматриваю три возможности. Первое: если насъ уже открыли или

откроютъ въ теченіе этого дня, то безъ всякаго сомнѣнія за ночь послѣдуетъ цѣлый рядъ минныхъ атакъ, а на утро бой съ японскимъ флотомъ, — это будетъ неважно. Второе: если насъ откроютъ только завтра, то мы начнемъ бой въ полномъ своемъ составѣ, цѣлые и невредимые,—это уже лучше. Наконецъ, третье: если мгла еще сгустится, и, вообще, погода испортится, то, благодаря ширинѣ пролива, насъ могутъ либо вовсе прозѣвать, либо открыть слишкомъ поздно, когда между нами и Владивостокомъ будетъ чистое море, — это будетъ совсѣмъ хорошо. По этимъ тремъ пунктамъ желающіе могли бы даже открыть тотализаторъ. Съ своей стороны, готовясь къ худшему и предвидя безпокойную ночь, предложилъ бы всѣмъ пользоваться каждымъ свободнымъ часомъ, чтобы отоспаться впрокъ...

Рѣчь имѣла успѣхъ.

II.

Повидимому до сихъ поръ судьба намъ благопріятствовала: насъ еще не открыли. На эскадрѣ всякое телеграфированіе было прекращено, зато мы тщательно принимали телеграммы японцевъ, - а минеры прилагали всѣ усилія, чтобы опредѣлить и направленіе, откуда онѣ идутъ. Еще въ ночь на 13 мая, а затѣмъ

днемъ того же числа, начался разговоръ двухъ станцій, вѣрнѣе донесенія одной, ближайшей, находившейся впереди насъ, которой отвѣчала другая, болѣе отдаленная и лѣвѣе. Телеграммы были не шифрованныя. Несмотря на непривычку нашихъ телеграфистовъ къ чужой азбукѣ и на пропуски, оказавшіеся въ самой азбукѣ, у насъ имѣвшейся, можно было разобрать отдѣльныя слова и даже фразы: „Вчера ночью... ничего... одиннадцать огней, но въ безпорядкѣ... яркій огонь... то же звѣзда“... и т. п.

Вѣроятнѣе всего это была сильная береговая станція на островахъ Гото, которая куда-то далеко доносила о томъ, что видитъ въ проливѣ.

Къ вечеру послышался разговоръ еще и другихъ станцій. Къ ночи ихъ набралось до семи. Телеграммы были уже шифрованныя, но по ихъ краткости, однообразію и по тому, какъ онѣ начинались и прекращались въ опредѣленные періоды, можно было съ большой вѣроятностью сказать, что это не донесенія, а перекличка развѣдчиковъ. Несомнѣнно, что мы еще не были открыты.

Съ заходомъ солнца эскадра сомкнулась какъ можно тѣснѣе. Въ ожиданіи минной атаки половинное число офицеровъ и команды дежурили у орудій, прочіе спали, не раздѣваясь, близъ своихъ мѣстъ, готовые вскочить по первому звуку тревоги. Ночь наступила темная. Мгла, казалось, стала еще гуще, и сквозь нея

едва мерцали рѣдкія звѣзды. На темныхъ палубахъ царила напряженная тишина, изрѣдка прерываемая вздохами спящихъ, шагами офицера или вполголоса отданнымъ приказаніемъ. У пушекъ словно замерли неподвижныя фигуры прислуги. Всѣ бодрствовавшіе зорко вглядывались во мракъ—не мелькнетъ-ли гдѣ темный силуэтъ миноносца, чутко вслушивались—не выдастъ-ли незримаго врага стукъ машины, шумъ пара...

Осторожно ступая, чтобы не разбудить спящихъ, я обошелъ мостики, палубы и спустился въ машину. Яркій свѣтъ на мгновеніе ослѣпилъ меня. Здѣсь царила жизнь и движеніе. Люди, бойко стуча ногами, бѣгали по трапамъ; раздавались звонки, окрики; приказанія передавались полнымъ голосомъ... но, вглядѣвшись пристальнѣе, и здѣсь я замѣтилъ ту же напряженность и сосредоточенность, то же особенное настроеніе, которое господствовало наверху. И вдругъ мнѣ показалось, что все—и высокая, слегка сгорбленная фигура адмирала на крылѣ мостика, и нахмуренное лицо рулевого, склонившагося надъ компасомъ, и застывшая на своихъ мѣстахъ орудійная прислуга, и эти громко разговаривающіе и бѣгающіе люди, и гигантскіе шатуны, тускло поблескивающіе своей сталью, и мощное дыханіе пара въ цилиндрахъ—все это одно...

Старая морская легенда о корабельной душѣ

вдругъ всплыла въ моей памяти, о душѣ, которая живетъ въ каждой заклепкѣ, которой держится каждый гвоздь, каждый винтикъ, и которая въ роковыя минуты властно охватываетъ весь корабль съ его экипажемъ, превращаетъ въ единое недѣлимое сверхъестественное существо и людей, и окружающіе ихъ предметы... Мнѣ вдругъ показалось, что эта душа заглянула мнѣ въ сердце, и оно забилось съ невѣдомой силою... Казалось, на мгновеніе я постигъ это существо, которому имя—„Суворовъ", въ которомъ любому изъ насъ цѣна—не болѣе любой заклепки...

Это было мгновеніе сумасшествія... Потомъ все прошло. Осталось только ощущеніе какой-то особенной бодрости, какой-то глубокой рѣшимости...

Рядомъ со мной старшій механикъ, капитанъ Вернандеръ, мой старый соплаватель и пріятель, что-то раздраженно доказывалъ своему помощнику. Я не слышалъ его словъ и не могъ понять, чего онъ такъ волнуется, когда все уже окончательно опредѣлилось: ни лучше, ни хуже не будетъ и ничего передѣлать нельзя.

— Полноте ершиться, дорогой!—сказалъ я, беря его подъ руку,—пойдемъ лучше, выпьемъ чаю—въ горлѣ пересохло...

Онъ только удивленно вскинулъ на меня своими симпатичными сѣрыми глазами и, ничего не отвѣтивъ, позволилъ себя увести.

Мы поднялись въ каютъ-компанію. Обыкновенно въ этотъ часъ шумная и людная—она пустовала. Два-три офицера отъ „подачи" и ближайшихъ плутонговъ крѣпко спали на диванахъ въ ожиданіи тревоги или своей очереди вступить на вахту. Однако дежурный вѣстовой оказался на высотѣ положенія и угостилъ насъ чаемъ.

Опять кругомъ—жуткая тишина...

— Главное — не пори горячки... Одинъ хорошій выстрѣлъ—лучше двухъ плохихъ. Помни, что лишнихъ снарядовъ нѣтъ и до Владивостока взять неоткуда...—доносился чей-то сдержанный голосъ изъ-за притворенной двери кормового плутонга. Кажется, говорилъ мичманъ Фоминъ.

— Поучаетъ!..—сердито буркнулъ Вернандеръ, давясь горячимъ чаемъ.

Я видѣлъ, что онъ чѣмъ-то очень разогорченъ и хочетъ излить душу.

— Ну, разсказывайте, дорогой! Что у васъ приключилось?..

— Это все проклятый уголь нѣмецкой поставки...—онъ понизилъ голосъ и оглянулся кругомъ.—Вы вѣдь знаете, что у насъ было нѣсколько самовозгораній въ ямахъ?

— Знаю. Но вѣдь, слава Богу, удачно тушили. Развѣ опять?

— Да нѣтъ! Не то! Понимаете: горѣлый и тушенный уголь ужь совсѣмъ другое. Расходъ

большой! Противъ хорошаго угля—процентовъ 20—30!..

— Постойте, голубчикъ!—искренно изумился я,—да вы что же?—нехватки боитесь? Вѣдь вы до сихъ поръ нашъ surplus расходовали! Вѣдь у васъ теперь долженъ быть полный нормальный запасъ.

— Ну, полный, неполный... къ утру будетъ меньше 1,000 тоннъ...

— А до Владивостока 600 миль! Куда же еще?..

— А „Цесаревичъ“ забыли? 28 іюля, когда ему располосовало трубы, онъ за сутки сжегъ 480 тоннъ! Ну?.. А у меня перерасходъ!..

— Не расходъ, а просто нервы расходились,—попробовалъ сострить я,—не всѣ же ямы горѣлыя...

— Ничего вы не понимаете!—разсердился Вернандеръ и, наскоро допивъ чай и схвативъ фуражку, куда-то убѣжалъ.

Я остался въ каютъ-компаніи, перебрался на кресло, устроился поудобнѣе и задремалъ. Смутно слышалъ, какъ въ полночь смѣнялась вахта. Нѣкоторые изъ смѣнившихся офицеровъ пришли выпить чаю и вполголоса бранили чортову сырость. Кто-то растянулся на диванѣ, крякнулъ отъ удовольствія и громко сказалъ: „Всхрапнемъ до четырехъ! и на нашей улицѣ праздникъ!..“ Я тоже заснулъ.

Проснулся около 3-хъ час. ночи. Опять

обошелъ палубы и вышелъ наверхъ. Все та же картина, что и съ вечера, но посвѣтлѣло. Луна въ послѣдней четверти стояла уже довольно высоко, и на фонѣ мглы, тускло посеребренной ея лучами, четко рисовались трубы, мачты, снасти... Опять засвѣжѣвшій вѣтеръ пронизывалъ холодомъ и заставлялъ глубже прятать голову въ воротникъ тужурки... Вышелъ на передній мостикъ. Адмиралъ спалъ въ креслѣ. Командиръ, въ мягкихъ туфляхъ, неслышными шагами быстро ходилъ поперекъ мостика, съ одного крыла на другое.

— Вы что бродите?—спросилъ онъ меня.

— Да такъ... посмотрѣть...

— Заснулъ?—кивнулъ я головой на адмирала.

— Только что. Я уговорилъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ? Можно считать, ночь прошла благополучно. До сихъ поръ не открыли—все перекликаются. А теперь, хоть открой—поздно. До разсвѣта всего часа два. Миноносцевъ, если даже и подъ рукой, не успѣютъ собрать... Да и гдѣ найти въ такую погоду? Смотрите—хвоста эскадры не видно! Развѣ кто случайно уткнется носомъ,—все равно, что двѣсти тысячъ выиграть!.. Вотъ только вѣтеръ мнѣ не нравится. Свѣжѣетъ. Какъ бы не разогналъ тумана... Ну, тогда завтра-же и крышка. Кому что, а ужъ „Суворову" капутъ... А вдругъ еще гуще станетъ?—внезапно оживился онъ,—вѣдь ужъ

сутки кругомъ бродятъ, а не видятъ. Вдругъ и завтра то же. Прозѣваютъ начисто!.. Ходятъ, бродятъ, перекликаются...—а насъ ужъ и нѣтъ! Ищи до второго нашего пришествія, т.-е. уже изъ Владивостока! Тамъ другой разговоръ будетъ!.. Но какъ встравятся! Сами себя со злости сгрызутъ! Потѣха-то!..—и командиръ, чтобъ не разбудить адмирала, зажимая платкомъ ротъ, расхохотался такъ весело и безпечно, что мнѣ даже завидно стало.

Надо знать, что В. В. Игнаціусъ, во-первыхъ, принадлежалъ къ числу самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ того мнѣнія, что нашъ походъ—это отчаянная авантюра, успѣхъ которой зависитъ исключительно отъ степени содѣйствія Николы Угодника и прочихъ силъ небесныхъ, а во-вторыхъ, принимая во вниманіе манеру японцевъ—всю силу огня сосредоточивать на флагманскомъ кораблѣ—считалъ, что въ первомъ-же рѣшительномъ бою и онъ самъ, и его броненосецъ обречены неизбѣжной гибели. Но, принявъ эту неизбѣжность, онъ уже далѣе ни на минуту не терялъ своего всегда жизнерадостнаго и бодраго настроенія, шутилъ, острилъ, живо интересовался разными мелочами судовой жизни и матросскаго обихода, а теперь (я искренно вѣрю) отъ души смѣялся, представляя себѣ злобу и разочарованіе японцевъ въ случаѣ, если бы они насъ дѣйствительно прозѣвали.

И однако японцы „выиграли двѣсти тысячъ“. И даже больше... На разсвѣтѣ 14-го мая, около 5 часовъ утра, ихъ вспомогательный крейсеръ „Синано-Мару“ почти „ткнулся носомъ“ въ наши госпитальные корабли, а по нимъ опозналъ и самую эскадру. Отъ насъ его не видѣли, но то, что мы открыты, сейчасъже обнаружилось по измѣненію характера телеграммъ: это была уже не перекличка развѣдчиковъ, а донесеніе, передававшееся дальше и дальше на сѣверъ [1]).

Отдѣльныя телеграммы получались со всѣхъ сторонъ, а потому, по приказанію адмирала, для прикрытія нашего беззащитнаго тыла (транспортовъ) отъ внезапнаго нападенія, развѣдочный отрядъ былъ отозванъ въ замокъ эскадры.

Около 6 час. утра „Уралъ“, догнавъ насъ полнымъ ходомъ, семафоромъ донесъ, что сзади эскадры ея курсъ пересѣкли справа налѣво четыре корабля, опознать которые въ туманѣ не было возможности.

Въ 6 час. 45 мин. утра справа, позади траверза, смутно обозначился силуэтъ какого-то судна. Оно шло сближающимся курсомъ и вскорѣ въ немъ опознали „Идзуми“.

Около 8 час. утра, несмотря на мглу, мож-

---

[1]) До этого момента, по японскимъ свѣдѣніямъ, Того, стоя съ главными силами гдѣ-то близъ Фузана, совершенно не зналъ о мѣстѣ нахожденія нашей эскадры и ждалъ извѣстій одинаково какъ съ юга, такъ и съ сѣвера.

но было определить разстояніе до него—50 кабельтововъ [1]). У насъ пробили тревогу, и кормовая башня уже грозно подняла свои 12-дюймовыя пушки, но „Идзуми“, словно угадавъ опасность, началъ быстро удаляться.

Конечно, можно было бы послать хорошій крейсеръ, чтобы прогнать его подальше, но заслуживающихъ такого названія въ нашемъ крейсерскомъ отрядѣ было только двое—„Олегъ“ и „Аврора“, да, пожалуй, еще изъ развѣдчиковъ—„Свѣтлана“; остальные—„Донской“ и „Мономахъ“ почтенные старички—тихоходы, хотя и съ порядочной артиллеріей, да „Уралъ“ и „Алмазъ“—скороходы, но зато, можно сказать, съ игрушечной артиллеріей. Между тѣмъ съ минуты на минуту можно было ожидать встрѣчи съ грознымъ врагомъ, когда будетъ дорога каждая пушка, каждый снарядъ. Вѣдь если дѣйствительно наши три броненосные отряда будутъ рѣшать судьбу боя поединкомъ съ 12 лучшими японскими кораблями, то весь остальной японскій флотъ придется на долю нашего крейсерскаго отряда. Борьба, для которой слѣдовало поберечь силы!.. А потому адмиралъ пренебрегъ дерзкой выходкой „Идзуми“ и никого не послалъ для его преслѣдованія.

Въ началѣ девятаго часа впереди лѣваго

---

[1]) Кабельтовъ равенъ 100 морскимъ 6-футовымъ саженямъ и составляетъ почти $^1/_{10}$ морской мили.

траверза показались изъ тумана, шедшіе почти параллельнымъ курсомъ, „Чинъ-Іенъ", „Мацусима", „Ицукусима" и „Хасидате". Впереди ихъ держался маленькій легкій крейсеръ, повидимому—„Акицусю", который тотчасъ, какъ мы ихъ (а значитъ и они насъ) хорошо увидѣли, поспѣшно убѣжалъ на сѣверъ, а весь отрядъ сталъ медленно увеличивать разстояніе и постепенно скрылся изъ виду.

Въ концѣ 10-го часа также слѣва, почти на траверзѣ, увидѣли отрядъ легкихъ крейсеровъ—„Читозе", „Касаги", „Ніитака" и „Отова".

Становилось очевиднымъ, что рѣшительный моментъ приближается.

По сигналу I и II броненосные отряды увеличили ходъ и, повернувъ „всѣ вдругъ" на два румба [1]) влѣво, начали выходить подъ носъ III отряду. Транспортамъ приказано было держаться правѣе и сзади эскадры, а крейсерамъ прикрывать ихъ слѣва. По правую сторону транспортовъ, въ обезпеченіе ихъ отъ покушеній со стороны „Идзуми" и ему подобныхъ, былъ высланъ „Мономахъ".

Въ 11 час. 20 мин. утра разстояніе отъ насъ до легкихъ крейсеровъ было 50 кабельтововъ. Въ это время съ „Орла" (какъ онъ немедленно донесъ объ этомъ семафоромъ) про-

---

[1]) Румбъ = 11¼°.

изошелъ нечаянный выстрѣлъ. Не имѣя возможности (при бездымномъ порохѣ) разобрать, кто именно изъ головныхъ судовъ сдѣлалъ этотъ выстрѣлъ, эскадра приняла его за сигналъ съ „Суворова“ и открыла огонь. Особенно живо стрѣлялъ III отрядъ.

Японскіе крейсера круто повернули влѣво и, также отстрѣливаясь, начали быстро увеличивать разстояніе.

На „Суворовѣ“ былъ поднятъ сигналъ:

„Не бросать снарядовъ понапрасну“.

И огонь прекратился.

Въ то же время сигналомъ приказано было: „командѣ обѣдать посмѣнно“.

Въ полдень, находясь на параллели южной оконечности Цусимы, мы легли курсомъ NO 23°, на Владивостокъ.

Офицеры завтракали тоже по-смѣнно и наскоро. Въ этотъ день, по обычаю, въ каютъ-компаніи полагался торжественный завтракъ съ присутствіемъ въ качествѣ гостей адмирала, командира и штаба. Въ данномъ случаѣ онъ, конечно, не могъ состояться—адмиралъ и командиръ не сходили съ мостика, а штабные только забѣгали что-нибудь наскоро съѣсть въ адмиральскую столовую.

Спустившись въ свою каюту, чтобы пополнить передъ боемъ запасъ папиросъ, я случайно попалъ въ каютъ-компанію въ самый торжественный моментъ. Несмотря на то, что

блюда подавались всѣ сразу, и ѣли ихъ, какъ придется, по бокаламъ было розлито шампанское, и всѣ присутствовавшіе, стоя, въ глубокомъ молчаніи слушали тостъс таршаго офицера А. П. Македонскаго: „Въ сегодняшній высокоторжественный день священнаго коронованія Ихъ Величествъ, помоги намъ Богъ съ честью послужить дорогой родинѣ! За здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы! За Россію!“

Дружное, смѣлое „ура“! огласило каютъ-компанію и послѣдніе его отголоски слились со звуками боевой тревоги, донесшейся сверху.

Всѣ бросились по своимъ мѣстамъ.

Легкіе японскіе крейсера опять приблизились слѣва, но на этотъ разъ въ сопровожденіи миноносцевъ, выказывавшихъ явное намѣреніе выйти на нашъ курсъ.

Подозрѣвая планъ японцевъ—пройти у насъ подъ носомъ и набросать плавающихъ минъ (какъ они это сдѣлали 28-го іюля), адмиралъ рѣшилъ развернуть I отрядъ фронтомъ вправо, чтобы угрозой огня пяти лучшихъ своихъ броненосцевъ отогнать непріятеля.

Съ этою цѣлью I броненосный отрядъ сначала повернулъ „послѣдовательно“ вправо на 8 румбовъ (90°), а затѣмъ долженъ былъ повернуть на 8 румбовъ влѣво „всѣ вдругъ“. Первая половина маневра удалась прекрасно, но на второй вышло недоразумѣніе съ сигна-

ломъ: „Александръ“ пошелъ въ кильватеръ „Суворову“, а „Бородино“ и „Орелъ“, уже начавшіе ворочать „вдругъ“, вообразили, что ошиблись, отвернули и пошли за „Александромъ“. Въ результатѣ, вмѣсто фронта, I отрядъ оказался въ кильватерной колоннѣ, параллельной колоннѣ изъ II и III отрядовъ и нѣсколько выдвинутой впередъ.

Однако, и неудавшійся маневръ достигъ намѣченной цѣли: непріятельскіе крейсера и миноносцы, испугавшись возможности быть взятыми въ два огня, надвигавшимися на нихъ, уступомъ, двумя колоннами, оставили намѣреніе пересѣчь нашъ курсъ и поспѣшно начали уходить влѣво. Эти-то крейсера, вѣроятно, и донесли адмиралу Того, что мы идемъ въ двухъ колоннахъ, и онъ, находясь въ это время внѣ видимости, далеко впереди и вправо отъ насъ, рѣшилъ перейти намъ на лѣвую сторону, чтобы всею силою обрушиться на лѣвую, слабѣйшую колонну. Между тѣмъ, какъ только японцы стали уходить съ курса, I отрядъ тотчасъ, увеличивъ ходъ, склонился влѣво, чтобы снова занять свое мѣсто впереди II отряда.

Въ 1 ч. 20 м., когда первый брон. отрядъ вышелъ подъ носъ II и III и началъ склоняться на старый курсъ, былъ сдѣланъ сигналъ: „II отряду вступить въ кильватеръ I отряду“.

Около того же времени далеко впереди смутно обозначились во мглѣ главныя силы

непріятеля. Онѣ шли намъ на-пересѣчку справа налѣво курсомъ, близкимъ къ SW. Выйдя намъ на лѣвую сторону, „Миказа" круто склонился къ S. За „Миказой" шли „Сикисима", „Фудзи", „Асахи", „Касуга", „Ниссинъ"...

Адмиралъ Рожественскій со штабомъ находился еще на верхнемъ переднемъ мостикѣ „Суворова", хотя управленіе броненосцемъ уже было перенесено въ боевую рубку.

Признаться откровенно, я не вполнѣ былъ согласенъ съ его идеей, что Того поведетъ самъ, въ одной колоннѣ, всѣ свои 12 броненосныхъ кораблей: вѣдь 28 іюля онъ не присоединилъ къ своимъ 6 судамъ двухъ броненосныхъ крейсеровъ, тутъ же находившихся, а предоставилъ имъ держаться самостоятельно. Я склоненъ былъ думать, что Камимура будетъ дѣйствовать по способности, и, когда ясно обрисовались шесть старыхъ артурскихъ знакомыхъ, не утерпѣлъ, чтобы не сказать съ нѣкоторымъ торжествомъ:

— Вотъ они, ваше превосходительство!— *всѣ шесть*, какъ 28 іюля...

Адмиралъ, не оборачиваясь, отрицательно покачалъ головой...

— Нѣтъ, больше: всѣ тутъ!—и началъ спускаться въ боевую рубку.

Дѣйствительно: вслѣдъ за первыми шестью кораблями медленно выступали изъ мглы слегка оттянувшіе крейсера Камимуры — „Идзумо",

„Якумо“, „Асама“, „Адзума“, „Токива“, „Ивате“...

— По мѣстамъ, господа, — торопливо проговорилъ флагъ-капитанъ, слѣдуя за адмираломъ.

Читатели „Расплаты“, конечно, вполнѣ ясно представляютъ себѣ мое служебное положеніе на „Суворовѣ“, положеніе довольно... неопредѣленное и невсегда пріятное. Легализированный въ должности флагманскаго штурмана, но никогда не исполнявшій этой обязанности фактически, назначенный приказомъ адмирала завѣдующимъ военно-морскимъ отдѣломъ, но никогда и близко не подпускавшійся къ этому дѣлу, неразрывно связанному съ полной освѣдомленностью во всѣхъ наисекретнѣйшихъ донесеніяхъ и перепискахъ (мнѣ часто не находили удобнымъ сообщать даже, того что зналъ любой младшій флагъ-офицеръ)—я былъ... пассажиромъ, сказалъ бы даже, нежелательнымъ пассажиромъ при штабѣ, оставленнымъ на „Суворовѣ“ по капризу адмирала, вообразившаго, что мое шестимѣсячное пребываніе въ Портъ-Артурѣ и участіе въ многочисленныхъ дѣлахъ и стычкахъ съ непріятелемъ даетъ мнѣ право на званіе „свѣдущаго человѣка“, небезполезнаго въ штабѣ, составленномъ изъ лучшихъ силъ нашего флота, изучившихъ военно-морское дѣло (тактику и стратегію) на курсахъ военно-морскихъ наукъ при Николаев-

ской Морской Академіи, но никогда не нюхавшихъ пороха шимоза.

Когда на общемъ совѣщаніи чиновъ штаба составлялось, по взаимномъ обсужденіи, „ихъ“ боевое росписаніе,—я не только не былъ приглашенъ на этотъ совѣтъ, но даже имени моего не было внесено въ самое росписаніе. На мой вопросъ:—„Что-же мнѣ дѣлать въ бою? Гдѣ быть? Какія мои обязанности?“—Флагъ-капитанъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:—„Гдѣ хотите. Скажу только откровенно, что въ боевой рубкѣ (т. е. при адміралѣ) и безъ того черезчуръ много народу,—повернуться негдѣ! Выбирайте мѣсто по собственному усмотрѣнію и дѣло—тоже... Вы вѣдь нашъ лѣтописецъ... Можетъ быть, пойдете въ одну изъ 12-дюймовыхъ башенъ? Тамъ всего безопаснѣе, хотя, конечно... мало что увидите...“

Послѣднее замѣчаніе показалось мнѣ обиднымъ, и я рѣзко отвѣтилъ, что по башнямъ прятаться не намѣренъ, что порученіе быть лѣтописцемъ, за неимѣніемъ лучшаго, принимаю, а находиться буду тамъ, откуда окажется возможно больше видѣть.

Читатели убѣдятся ниже, что я исполнилъ свое обѣщаніе:—покинулъ мостики лишь тогда, когда они были разрушены, покинулъ верхнюю палубу лишь тяжело раненый, подъ угрозой сгорѣть живьемъ.

Прошу извинить за это отступленіе и возвращаюсь къ изложенію обстоятельствъ боя.

III.

„Ну, будетъ игра!“—думалось мнѣ, когда, разставшись съ адмираломъ и высшими чинами штаба, уходившими въ боевую рубку, я направился на кормовой мостикъ, откуда можно было видѣть не только непріятеля, но и свою эскадру, и который я, по принятой на себя обязанности „лѣтописца“, т.-е. обязанности все видѣть и все записывать, считалъ для этого самымъ удобнымъ мѣстомъ.

Тутъ же (на заднемъ мостикѣ) оказался командиръ правой кормовой 6-дюймовой башни лейтенантъ Рѣдкинъ, выбѣжавшій „посмотрѣть“, такъ какъ бой, видимо, долженъ былъ начаться съ лѣваго борта, и его башня, пока, обрекалась на бездѣйствіе.

Мы стояли, обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями, недоумѣвая, почему японцы вздумали переходить намъ на лѣвую сторону, когда наше слабое мѣсто, транспорты и ихъ прикрытіе—крейсера, находились у насъ справа и сзади... Можетъ быть они разсчитывали, принявъ бой на контръ-галсѣ и воспользовавшись своимъ преимуществомъ въ скорости, обойти насъ съ кормы, чтобы напасть сразу и на транспорты

и на слабѣйшій арріергардъ? Но въ такой обстановкѣ легко было и самимъ угодить подъ амфиладный огонь...

— Смотрите! Смотрите! Что это? Что они дѣлаютъ?—крикнулъ Рѣдкинъ, и въ голосѣ его были и радость и недоумѣніе.

Но я и самъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, не отрываясь отъ бинокля, не вѣря глазамъ: японцы внезапно начали ворочать „послѣдовательно“ влѣво на обратный курсъ!

Если читатели припомнятъ сказанное ранѣе о поворотахъ, то имъ будетъ ясно, что при этомъ маневрѣ всѣ японскіе корабли должны были послѣдовательно пройти черезъ точку, въ которой повернулъ головной; эта точка оставалась какъ-бы неподвижной на поверхности моря, что значительно облегчало намъ пристрѣлку, а кромѣ того, даже при скорости 15 узловъ, перестроеніе должно было занять около 15 минутъ, и все это время суда, уже повернувшія, мѣшали стрѣлять тѣмъ, которыя еще шли къ точкѣ поворота.

— Да вѣдь это—безразсудство!—не унимался Рѣдкинъ,—вѣдь мы сейчасъ раскатаемъ его головныхъ!..

— „Дай-то Богъ!..“—подумалъ я...

Для меня было ясно, что Того увидѣлъ нѣчто неожиданное, почему принялъ новое, внезапное рѣшеніе. Маневръ былъ безусловно рискованный, но съ другой стороны, если онъ

нашелъ необходимымъ лечь на обратный курсъ, то другого выхода не было. Конечно, можно было бы повернуть эскадрой „всѣмъ вдругъ“, но тогда головнымъ кораблемъ, ведущимъ ее въ бой, оказался бы концевой крейсеръ—„Ивате“. Очевидно, Того не желалъ допустить этого и рѣшился на поворотъ „послѣдовательно“, чтобы вести эскадру лично и не ставить успѣха начала боя въ зависимость отъ находчивости и предпріимчивости младшаго флагмана (на „Ивате“ держалъ флагъ контръ-адмиралъ Симамура).

Сердце у меня билось, какъ никогда за 6 мѣсяцевъ въ Артурѣ... Если бы удалось!.. Дай, Господи!.. Хоть не утопить, хоть только выбить изъ строя одного!.. Первый успѣхъ... Да, неужели?..

Между тѣмъ адмиралъ спѣшилъ использовать благопріятное положеніе.

Въ 1 ч. 49 м. пополудни, когда изъ японской эскадры успѣли лечь на новый курсъ только „Миказа“ и „Сикисима“—два изъ двѣнадцати—съ разстоянія 32 кабельтововъ раздался первый выстрѣлъ „Суворова“, а за нимъ загремѣла и вся эскадра...

Я жадно смотрѣлъ въ бинокль... Перелеты и недолеты ложились близко, но самаго интереснаго, т.-е. попаданій, какъ и въ бою 28 іюля, нельзя было видѣть: наши снаряды при разрывѣ почти не даютъ дыма, и кромѣ того

трубки ихъ устроены съ разсчетомъ, чтобы онѣ рвались, пробивъ бортъ, внутри корабля. Попаданіе можно было бы замѣтить только въ томъ случаѣ, когда у непріятеля что-нибудь свалитъ, подобьетъ... Этого не было...

Минуты черезъ двѣ, когда за первыми двумя броненосцами успѣли повернуть и вторые два—„Фудзи“ и „Асахи“,—японцы стали отвѣчать.

Началось съ перелетовъ. Нѣкоторые изъ длинныхъ японскихъ снарядовъ на этой дистанціи опрокидывались и, хорошо видимые простымъ глазомъ, вертясь, какъ палка, брошенная при игрѣ въ городки, летѣли черезъ наши головы не съ грознымъ ревомъ, какъ полагается снаряду, а съ какимъ-то нелѣпымъ бормотаніемъ.

— Это и есть „чемоданы“? [1])—спросилъ, смѣясь, Рѣдкинъ.

— Они самые...

Однако меня тутъ же поразило, что „чемоданы“, нелѣпо кувыркаясь въ воздухѣ и падая, какъ попало, въ воду, все-таки взрывались. Этого раньше не было... [2])

---

[1]) «Чемоданами» въ Артурѣ называли японскіе длинные снаряды большихъ калибровъ. Въ самомъ дѣлѣ: снарядъ—футъ въ діаметрѣ и болѣе 4-хъ футъ длины, развѣ это не чемоданъ со взрывчатымъ веществомъ?

[2]) Въ донесеніяхъ съ театра военныхъ дѣйствій, мы шумно, на весь свѣтъ, выражали свою радость по поводу того, что японскіе снаряды плохо рвутся. Видимо, японцы не пренебрегли этимъ, весьма цѣннымъ, указаніемъ.

Послѣ перелетовъ пошли недолеты. Все ближе и ближе... Осколки шуршали въ воздухѣ, звякали о бортъ, о надстройки... Вотъ недалеко, противъ передней трубы, поднялся гигантскій столбъ воды, дыма и пламени... На передній мостикъ побѣжали съ носилками. Я перегнулся черезъ поручень.

— Князя Церетели! [1])—крикнулъ снизу на мой безмолвный вопросъ Рѣдкинъ, направлявшійся къ своей башнѣ.

Слѣдующій снарядъ ударилъ въ бортъ у средней 6-дюймовой башни, а затѣмъ что-то грохнуло сзади и подо мной у лѣвой кормовой. Изъ штабнаго выхода повалилъ дымъ, и показались языки пламени. Снарядъ, попавъ въ капитанскую каюту, пробивъ палубу, разорвался въ офицерскомъ отдѣленіи, гдѣ произвелъ пожаръ.

И здѣсь, уже не въ первый разъ, я могъ наблюдать то оцѣпенѣніе, которое овладѣваетъ необстрѣлянной командой при первыхъ попаданіяхъ непріятельскихъ снарядовъ. Оцѣпенѣніе, которое такъ легко и быстро проходитъ отъ самаго ничтожнаго внѣшняго толчка и, въ зависимости отъ его характера, превращается или въ страхъ, уже неискоренимый, или въ необычайный подъемъ духа.

Люди у пожарныхъ крановъ и шланговъ

---

[1]) Князь Церетели—мичманъ, флагъ-офицеръ.

стояли, какъ очарованные, глядя на дымъ и пламя, словно не понимая, въ чемъ дѣло, но стоило мнѣ сбѣжать къ нимъ съ мостика, и самыя простыя слова, что-то въ родѣ—„Не ошалѣвай! Давай воду!“—заставили ихъ очнуться и смѣло броситься на огонь.

Я вынулъ часы и записную книжку, чтобы отмѣтить первый пожаръ, но въ этотъ моментъ что-то кольнуло меня въ поясницу [1]), и что-то огромное, мягкое, но сильное ударило въ спину, приподняло на воздухъ и бросило на палубу... Когда я опять поднялся на ноги, въ рукахъ у меня попрежнему были и записная книжка и часы. Часы шли; только секундная стрѣлка погнулась, и стекло исчезло. Ошеломленный ударомъ, еще не вполнѣ придя въ себя, я сталъ заботливо искать это стекло на палубѣ и нашелъ его совершенно цѣлымъ. Поднялъ, вставилъ на мѣсто... и тутъ только, сообразивъ, что занимаюсь совсѣмъ пустымъ дѣломъ, оглянулся кругомъ. Вѣроятно, нѣсколько мгновеній я пролежалъ безъ сознанія, потому что пожаръ былъ уже потушенъ, и вблизи, кромѣ 1—3 убитыхъ, на которыхъ хлестала вода изъ разорванныхъ шланговъ,—никого не было. Ударъ шелъ со стороны кормовой рубки, скрытой отъ меня траверзомъ изъ коекъ. Я загля-

---

[1]) Легкая рана небольшимъ осколкомъ, на которую я, первоначально, даже не обратилъ вниманія.

нулъ туда. Тамъ должны были находиться флагъ-офицеры — лейтенантъ Новосильцевъ и мичманъ Козакевичъ и волонтеръ Максимовъ — съ партіей ютовыхъ сигнальщиковъ. Снарядъ прошелъ черезъ рубку, разорвавшись объ ея стѣнки. Сигнальщики (10—12 человѣкъ) какъ стояли у правой 6-дюймовой башни, такъ и лежали тутъ тѣсной кучей. Внутри рубки— груды чего-то, и сверху—зрительная труба офицерскаго образца.

„Неужели все, что осталось“?—подумалъ я... Но это была ошибка: какимъ-то чудомъ Новосильцевъ и Козакевичъ были только ранены и съ помощью Максимова ушли на перевязку, пока я лежалъ на палубѣ и потомъ возился съ часами...

— Что? знакомая картина? похоже на 28 іюля?—высунулся изъ своей башни неугомонный Рѣдкинъ.

— Совсѣмъ то же самое!—увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ я, но это было неискренно: было бы правильнѣе сказать—„совсѣмъ не похоже“...

Вѣдь 28 іюля за нѣсколько часовъ боя „Цесаревичъ“ получилъ только 19 крупныхъ снарядовъ, и я серьезно собирался въ предстоящемъ бою записывать моменты и мѣста отдѣльныхъ попаданій, а также производимыя ими разрушенія. Но гдѣ-жъ тутъ было записывать подробности, когда и сосчитать попаданія ока-

зывалось невозможнымъ! Такой стрѣльбы я не только никогда не видѣлъ, но и не представлялъ себѣ. Снаряды сыпались безпрерывно, одинъ за другимъ... [1])

За 6 мѣсяцевъ на артурской эскадрѣ я все же кой къ чему приглядѣлся,—и шимоза, и мелинитъ были, до извѣстной степени, старыми знакомыми,—но здѣсь было что-то совсѣмъ новое!.. Казалось, не снаряды ударялись о бортъ и падали на палубу, а цѣлыя мины... Они рвались отъ перваго прикосновенія къ чему-либо, отъ малѣйшей задержки въ ихъ полетѣ. Поручень, бакштагъ трубы, топрикъ шлюпбалки— этого было достаточно для всеразрушающаго взрыва... Стальные листы борта и надстроекъ на верхней палубѣ рвались въ клочья и своими обрывками выбивали людей; желѣзные трапы свертывались въ кольца; неповрежденныя пушки срывались со станковъ...

Этого не могла сдѣлать ни сила удара самаго снаряда, ни тѣмъ болѣе сила удара его осколковъ. Это могла сдѣлать только сила взрыва. Повидимому японцамъ удалось осуществить ту идею, которой пробовали достичь американцы постройкой своего „Vesuvium“...

---

[1]) Японскіе офицеры разсказывали, что послѣ капитуляціи Портъ-Артура, въ ожиданіи второй эскадры, они такъ готовились къ ея встрѣчѣ: каждый комендоръ выпустилъ изъ своего орудія при стрѣльбѣ въ цѣль пять боевыхъ комплектовъ снарядовъ. Затѣмъ износившіяся пушки были всѣ замѣнены новыми.

А потомъ—необычайно высокая температура взрыва и это жидкое пламя, которое, казалось, все заливаетъ! Я видѣлъ своими глазами, какъ отъ взрыва снаряда вспыхивалъ стальной бортъ. Конечно, не сталь горѣла, но краска на ней! Такіе трудно-горючіе матерьялы, какъ койки и чемоданы, сложенные въ нѣсколько рядовъ, траверзами, и политые водой, вспыхивали мгновенно яркимъ костромъ... Временами въ бинокль ничего не было видно—такъ искажались изображенія отъ дрожанія раскаленнаго воздуха...

Нѣтъ! — это было не то, что 28 іюля...

Мое недоумѣніе еще усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣдь шимоза, какъ и меленитъ, даетъ при взрывѣ густой, черный или зеленовато-бурый дымъ (на это мы довольно наглядѣлись въ Портъ-Артурѣ). Такіе снаряды тоже были и въ этотъ роковой день, но тѣ, которые, словно, заливали насъ жидкимъ пламенемъ, все жгли, все разрушали съ какой-то, до сихъ поръ невѣдомой, силой,—они давали облако совсѣмъ не густого, рыжаго, удушливаго дыма и массу ѣдкой гари, носившейся въ воздухѣ бѣлыми хлопьями.

Это было что-то совсѣмъ новое [1])!

---

[1]) По нѣкоторымъ, вполнѣ заслуживающимъ довѣрія, свѣдѣніямъ, въ бою при Цусимѣ японцами было впервые примѣнено для снаряженія снарядовъ новое взрывчатое вещество, секретъ котораго они купили уже во время войны у его изобрѣтателя, полковника службы одной изъ республикъ Южной Америки.

Я вдругъ заторопился въ боевую рубку, къ адмиралу...—Зачѣмъ?—Тогда я не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета, но теперь мнѣ кажется, что я просто хотѣлъ взглянуть на него и этимъ взглядомъ провѣрить свои впечатлѣнія: не кажется-ли мнѣ? не кошмаръ-ли это? не струсилъ-ли я просто-на-просто?..

Этотъ полковникъ (какъ говорили, урожденный перуанецъ) не сразу обратился къ японцамъ. Гордый, что въ жилахъ его течетъ кровь кастильцевъ, сподвижниковъ Кортеца, онъ, руководимый врожденнымъ предубѣжденіемъ къ «цвѣтнымъ», пытался прежде всего продать свое изобрѣтеніе «блѣднолицымъ». — Онъ обратился къ нашему военному агенту въ Шанхаѣ (ген.-м. Десино). Были произведены опыты. Опыты прямо феерическіе, какъ описывалъ ихъ мой собесѣдникъ, лично ихъ видѣвшій.

Покупка секрета «блѣднолицыми» однако не состоялась: не то изъ-за того, что въ цѣнѣ не сошлись, не то изъ-за того, что нашли препаратъ крайне опаснымъ для храненія. Зато «желтолицые» не прозѣвали. Передъ добрымъ кушемъ не устояла кастильская гордость, и . . . началось дѣятельное снабженіе японскаго флота новыми снарядами.—Въ этомъ, какъ кажется, и есть главный секретъ, почему японцы не протестовали противъ долговременной стоянки второй эскадры на Мадагаскарѣ и не пытались (при посредствѣ доброй союзницы—Англіи) изгнать ее оттуда, какъ они это дѣлали за время Аннамскаго скитанія.

Раненые японскіе офицеры, лежавшіе вмѣстѣ съ нами въ госпиталѣ Сасебо, особенно разспрашивали, особенно интересовались дѣйствіемъ ихъ «новыхъ» снарядовъ, говоря, что здѣсь «впервые» была примѣнена идея наносить разрушеніе не силой удара въ цѣль, а «исключительно» силой взрыва, при соприкосновеніи съ цѣлью.

По слухамъ (опять таки заслуживающимъ довѣрія), этими новыми снарядами успѣли снабдить только орудія крупныхъ калибровъ броненосныхъ отрядовъ, и вотъ почему тѣ изъ нашихъ судовъ, которыя имѣли дѣло съ эскадрой адмирала Катаока, не терпѣли ни такихъ разрушеній, ни такихъ пожаровъ, какъ атакованныя броненосцами и броненосными крейсерами. Особенно убѣдительны примѣры

Взбѣжавъ на передній мостикъ, чуть не упавъ, поскользнувшись въ лужѣ крови (здѣсь только что былъ убитъ сигнальный кондукторъ Кандауровъ), я вошелъ въ боевую рубку.

Адмиралъ и командиръ, оба, нагнувшись, смотрѣли въ просвѣтъ между броней и крышей.

— Ваше превосходительство!—какъ всегда оживленно жестикулируя, говорилъ командиръ, — надо измѣнить разстояніе! очень ужъ они пристрѣлялись — такъ и жарятъ!

— Подождите. Вѣдь и мы тоже пристрѣлялись!..—отвѣтилъ адмиралъ.

По сторонамъ штурвала, справа и слѣва, двое лежали. Оба въ тужуркахъ офицерскаго образца, ничкомъ...

— Рулевой кондукторъ и Берсеневъ [1])! — крикнулъ мнѣ на-ухо мичманъ Шишкинъ, котораго я тронулъ за руку, указывая на лежащихъ.—Берсенева первымъ! въ голову — наповалъ!..

«Свѣтланы» и «Донского». 15 мая «Свѣтлану» разстрѣливало два легкихъ крейсера, а «Донского»—пять подобныхъ судовъ, и оба эти корабля, во-первыхъ, оборонялись сравнительно долго, а во-вторыхъ (и это главное), не горѣли, хотя на обоихъ — на «Донскомъ», какъ на суднѣ стараго типа, а на «Свѣтланѣ», какъ на яхтѣ—горючаго матеріала не только въ относительномъ смыслѣ, но, пожалуй даже, и въ абсолютномъ, — было несравненно болѣе, чѣмъ на новыхъ броненосцахъ.

[1]) Берсеневъ — полковникъ морской артиллеріи, флагманскій артиллеристъ.

Дальномѣръ работалъ; Владимірскій рѣзкимъ голосомъ отдавалъ приказанія, и гальванеры бойко вертѣли ручки указателей, передавая въ башни и плутонги разстоянія до непріятельскихъ судовъ... Казалось, что тутъ (если не обращать вниманія на убитыхъ и раненыхъ) все идетъ, какъ на ученьи.

— Ничего!—подумалъ я, выходя изъ рубки... но тотчасъ же мелькнула въ головѣ безпокойная мысль: —Вѣдь они, тамъ, не видятъ, можетъ быть, даже не подозрѣваютъ того, что творится на броненосцѣ!..

Въ боевую рубку я зашелъ только на нѣсколько секундъ, движимый неяснымъ, но неотвратимымъ пожеланіемъ „посмотрѣть", что творится въ этомъ пунктѣ, являвшемся центромъ, средоточіемъ воли и разума, руководившихъ дѣйствіями эскадры.

Оглядѣвшись, я поспѣшилъ выйти, но не вернулся на задній мостикъ, а остался на переднемъ, откуда лучше всего была видна непріятельская эскадра.

Не отрывая глазъ отъ бинокля, я жадно смотрѣлъ: не сбылись ли мои надежды, мои мечты, которыхъ я, самъ себѣ, не смѣлъ громко высказать; не посчастливилось ли намъ хоть на этотъ разъ, — первый, единственный разъ за все время войны,—сорвать первый успѣхъ,— если не утопить, то хоть подбить, хоть временно

вывести изъ строя одинъ изъ японскихъ кораблей и тѣмъ внести въ среду непріятеля, хотя-бы временное, разстройство...

Нѣтъ!..

Непріятель уже закончилъ поворотъ; его 12 кораблей въ правильномъ строѣ, на тѣсныхъ интервалахъ, шли параллельно намъ, постепенно выдвигаясь впередъ... Никакого замѣшательства не было замѣтно. Мнѣ казалось, что въ бинокль Цейса (разстояніе было немного больше 20 кабельтововъ) я различаю даже коечныя огражденія на мостикахъ, группы людей... А у насъ? — Я оглянулся. — Какое разрушеніе!..—Пылающія рубки на мостикахъ, горящіе обломки на палубѣ, груды труповъ... Сигнальныя и дальномѣрныя станціи, посты, наблюдающіе за паденіемъ снарядовъ, — все сметено, все уничтожено... Позади — „Александръ“ и „Бородино“, тоже окутанные дымомъ пожара...

Нѣтъ! Это было совсѣмъ непохоже на 28 іюля!..

Тамъ было впечатлѣніе, что сошлись два противника, почти равные по силамъ, что оба они сражаются равнымъ оружіемъ, что это былъ бой...—А здѣсь?..—не бой, а бойня какая-то!..

Непріятель, выйдя впередъ, началъ быстро склоняться вправо, пытаясь выйти на-пересѣчку нашего курса, но мы тоже повернули

вправо и снова привели его почти на траверзъ [1]).

Было 2 часа 5 мин. пополудни.

Кто-то прибѣжалъ доложить, что попало въ кормовую 12-дюймовую башню. Я пошелъ посмотрѣть. Въ то время еще можно было пройти „верхомъ“ съ носа на корму, хотя не безъ труда. Придя на задній мостикъ и взглянувъ внизъ, перегнувшись черезъ его поручень, я увидѣлъ, что часть броневой крыши башни со стороны лѣваго орудія была разорвана и отогнута кверху, но башня вращалась и энергично стрѣляла... Очевидно попаданіе не причинило серьезныхъ поврежденій. Задній мостикъ былъ уже изрядно разрушенъ. Сигнальная рубка (стальная, но изнутри обшитая деревомъ, съ деревянной же мебелью и шкафами) была охвачена пожаромъ. Впередъ, изъ-за дыма, ничего не было видно.

Я рѣшилъ вернуться на носъ, но это оказалось не такъ просто: въ полпути продольный мостикъ былъ разрушенъ, и яркимъ пламенемъ пылала рубка безпроволочнаго телеграфа. Вернулся назадъ — трапы сбиты. По какимъ-то стойкамъ и повисшимъ снастямъ спустился на верхнюю палубу.

Очутился на шканцахъ. Здѣсь энергично

---

[1]) Траверзъ—направленіе, перпендикулярное діаметральной плоскости корабля, или, что то же—его курсу.

работали пожарныя партіи, руководимыя старшимъ офицеромъ А. П. Македонскимъ. Хлопнулъ „чемоданъ". Меня швырнуло на палубу, завалило какими-то обломками... но, выбравшись изъ-подъ нихъ, я съ удивленіемъ могъ убѣдиться, что опять не раненъ и отдѣлался только ушибами. Зато А. П. Македонскому оторвало ногу выше колѣна. Вѣрно были и другія раны, такъ какъ китель и спереди и съ праваго бока былъ весь залитъ кровью. Пока его клали на носилки, онъ уже потерялъ сознаніе, и врядъ ли дожилъ до прибытія на перевязочный пунктъ... Пожарныя партіи остались безъ руководителя. Никого не видя кругомъ и полагая, что борьба съ огнемъ будетъ по-важнѣе „лѣтописи", я принялъ начальствованіе надъ ними. Впрочемъ — ненадолго...

Людей становилось все меньше. Отовсюду, даже изъ башенъ, куда осколки могли проникать только черезъ узкіе просвѣты амбразуръ, требовали подкрѣпленій на замѣну убылыхъ. Убитыхъ, конечно, оставляли лежать тамъ, гдѣ они упали, но и на уборку раненыхъ не хватало рукъ.

На военныхъ судахъ всякому человѣку въ бою назначено свое мѣсто и свое дѣло; лишнихъ—нѣтъ; резерва—не существуетъ. Единственный ресурсъ, которымъ мы располагали, это была прислуга 47 м/м. пушекъ и пулеметовъ, которая, чтобы не подвергать ее напрас-

ному разстрѣлу, съ началомъ боя была убрана подъ броневую палубу. Теперь эти люди оказались совершенно свободными, такъ какъ вся ихъ артиллерія, стоявшая открыто на мостикахъ, была уже уничтожена безъ остатка. Ими и пользовались. Но это была капля въ морѣ... Относительно пожара,—если бы даже нашлись люди, то не было средствъ для борьбы съ огнемъ. Шланги, сколько разъ ихъ ни замѣняли запасными, немедленно превращались въ лохмотья. Наконецъ запасы изсякли. А безъ шланговъ какъ было подавать воду на мостики и на ростры, гдѣ бушевало пламя?.. Особенно ростры, гдѣ стояли пирамидой 11 деревянныхъ шлюпокъ... Пока, этотъ лѣсной складъ горѣлъ только мѣстами, такъ какъ въ шлюпкахъ еще держалась вода, налитая въ нихъ передъ боемъ. Но она вытекала черезъ многочисленныя дыры, пробитыя осколками, а когда вытечетъ...

Разумѣется, дѣлали, что могли. Взбираясь по спинамъ товарищей (траповъ уже не существовало), пытались затыкать дыры въ шлюпкахъ, таскали воду ведрами...[1]). Не знаю, нарочно были закрыты шпигаты или они просто засорились, но вода плохо стекала за бортъ и

---

[1]) На эскадрѣ, по приказанію командующаго, желѣзныя банки изъ-подъ машиннаго масла не выбрасывались, а судовыми средствами передѣлывались въ ведра. Эти самодѣльныя ведра во множествѣ были разставлены по всѣмъ палубамъ.

на верхней палубѣ ея было по щиколотку. Это обстоятельство принесло большую пользу, такъ какъ, во-первыхъ, сама палуба не горѣла, а во-вторыхъ, въ этой-же водѣ мы тушили валившіеся сверху горящіе обломки, просто растаскивая и переворачивая ихъ.

Довольно скоро подъ моей командой осталось всего 2—3 человѣка. Пошелъ искать людей. Направился на бакъ. Близъ правой носовой 6-дюймовой башни, у трапа на передній мостикъ, увидѣлъ флагъ-офицера мичмана Демчинскаго съ партіей баковыхъ сигнальщиковъ. Подошелъ къ нему. Мичманъ Головнинъ (командиръ башни) угостилъ насъ холоднымъ чаемъ, который былъ у него запасенъ въ бутылкахъ.

Кажется — пустяки, а стало веселѣе.

Демчинскій сообщилъ, что первый снарядъ, попавшій въ броненосецъ, угодилъ какъ разъ во временный перевязочный пунктъ, устроенный докторомъ, казалось бы, въ самомъ укромномъ мѣстѣ—въ верхней батареѣ, у судового образа между средними 6-дюймовыми башнями. Много народу перебило; докторъ какъ-то уцѣлѣлъ, но судовой священникъ — іеромонахъ о. Назарій—былъ тяжело раненъ. Разсказалъ трогательную подробность. Нашъ симпатичный батя (монахъ не только по платью, но и по духу) находился на пунктѣ въ епитрахили, съ крестомъ и запасными Дарами. Когда къ нему,

сраженному цѣлымъ градомъ осколковъ, бросились докторъ и санитары, чтобы уложить на носилки и отправить внизъ, въ операціонную (подъ броневой палубой), онъ отстранилъ ихъ, приподнялся и твердымъ голосомъ началъ — „Силою и властью...“—но захлебнулся кровью, подступившей къ горлу, и торопливо закончилъ — „...отпускаю прегрѣшенія... во брани убіеннымъ...“ — благословилъ окружающихъ крестомъ, котораго не выпускалъ изъ рукъ, и упалъ безъ сознанія.

Мнѣ захотѣлось пойти взглянуть.

Судовой образъ, вѣрнѣе образа, такъ какъ ихъ было много—все напутственныя благословенія броненосцу — остались совершенно цѣлыми; даже не разбилось стекло большого кіота, передъ которымъ въ висячемъ подсвѣчникѣ мирно горѣло нѣсколько свѣчей; кругомъ—ни души; только между исковерканными столами, табуретами, разбитыми бутылками и разбросаннымъ перевязочнымъ матеріаломъ — нѣсколько труповъ, да груды чего-то, въ чемъ съ трудомъ можно было угадать остатки человѣческихъ тѣлъ...

Не успѣлъ я окинуть глазами эту картину разрушенія, какъ сверху, по трапу, спустился Демчинскій, поддерживая флагъ-офицера лейтенанта Свербѣева, который съ трудомъ держался на ногахъ, задыхался и просилъ пить. Я зачерпнулъ изъ ведра воды въ десантный

котелокъ, валявшійся тутъ же, и подалъ ему. Но руки у него тоже слушались плохо. Демчинскій и я помогали ему. Онъ жадно пилъ, произнося отрывочныя фразы: „Пустяки... скажите флагъ-капитану... сейчасъ приду... задохнулся проклятыми газами... только отдышаться...“—Его посинѣвшія губы съ усиліемъ втягивали воздухъ; въ горлѣ, въ груди что-то хрипѣло, но, конечно, не ядовитые газы — съ правой стороны спины тужурка была сильно изорвана и оттуда обильно сочилась кровь... Демчинскій далъ ему двухъ провожатыхъ, чтобы довести до перевязочнаго пункта, а мы опять поднялись наверхъ.

Около этого же времени я узналъ о тяжкой потерѣ, понесенной броненосцемъ въ лицѣ трюмнаго механика штабсъ-капитана Криммера. Узнавъ о смертельной ранѣ старшаго офицера, онъ поспѣшилъ наверхъ съ цѣлью руководить пожарными партіями, но по пути шальной осколокъ перебилъ, почти оторвалъ ему руку близъ локтя. Моряки хорошо поймутъ, какой это уронъ — потерять трюмнаго механика въ самомъ началѣ боя. Правда, у насъ былъ человѣкъ, приблизительно, той же спеціальности— флагманскій корабельный инженеръ Политовскій, но онъ не состоялъ при постройкѣ „Суворова“, не былъ такъ детально, какъ Криммеръ, освѣдомленъ о всѣхъ подробностяхъ и особенностяхъ водоотливной системы броненосца. Къ

тому же (не берусь судить, по какимъ причинамъ) онъ намѣтилъ своей обязанностью въ бою — помощь медицинскому персоналу. Еще при первой тревогѣ, пробѣгая по жилой палубѣ, я видѣлъ его въ операціонной, одѣтаго въ бѣлый халатъ съ перевязью Краснаго Креста. Кажется, даже, это было его мѣсто по „боевому росписанію штабныхъ чиновъ“.

Выйдя на верхнюю палубу, я прошелъ на лѣвую сторону между носовой 12-ти и 6-тидюймовой башнями посмотрѣть на японскую эскадру...

Она была все та же!.. Ни пожаровъ, ни крена, ни подбитыхъ мостиковъ... Словно не въ бою, а на учебной стрѣльбѣ! Словно наши пушки, неумолчно гремѣвшія уже полчаса, стрѣляли не снарядами, а... чортъ знаетъ чѣмъ [1])!...

---

[1]) Въ бою при Цусимѣ японцы потеряли: убитыми—113, тяжело ранеными—139, серьезно ранеными 243 и легко-ранеными—42 (!). Помимо отзывовъ японскихъ офицеровъ, которые могутъ быть пристрастными, эти цифры говорятъ достаточно краснорѣчиво. Почти половина потерь (252 изъ 537) — убитые и тяжело раненые, другая половина — серьезно-раненые и легко-раненыхъ — меньше 8 проц. Общее число потерь — ничтожно. Очевидно, наши снаряды или не рвались вовсе, или рвались плохо, т.-е. на небольшое число крупныхъ кусковъ. Разрывной зарядъ японскихъ снарядовъ былъ въ 7 разъ больше, чѣмъ у нашихъ, и состоялъ не изъ пироксилина, а изъ шимозы (а можетъ быть изъ чего-нибудь еще сильнѣйшаго). Шимоза при взрывѣ развиваетъ температуру въ $1^2/_3$ раза высшую, нежели пироксилинъ. Въ грубомъ приближеніи можно сказать, что одинъ удачно разорвавшійся японскій снарядъ наносилъ

Съ чувствомъ, близкимъ къ отчаянію, я опустилъ бинокль, отвернулся и пошелъ на корму...

— Послѣдніе фалы сгорѣли, — сообщилъ мнѣ Демчинскій,—я думаю увести своихъ людей куда-нибудь за прикрытіе.

Я конечно вполнѣ съ нимъ согласился: чего было сигнальщикамъ торчать подъ разстрѣломъ, когда не оставалось средствъ для сигнализаціи.

Было 2 ч. 20 мин. пополудни.

Пробираясь между обломками на корму, столкнулся съ Рѣдкинымъ, спѣшившимъ на бакъ.

— Ахъ! вотъ кстати! — возбужденно заговорилъ онъ, — изъ лѣвой кормовой стрѣлять нельзя. Подъ ней, кругомъ — пожаръ. Люди задыхаются отъ жары и дыма...

— Ну, давайте, соберемъ кого-нибудь и попробуемъ тушить...

— Это ужъ я самъ сдѣлаю, а вы — доложите адмиралу. Можетъ быть онъ что-нибудь прикажетъ...

— Но что-жъ адмиралъ можетъ приказать!..

такое-же разрушеніе, какъ 12 нашихъ, тоже удачно разорвавшихся. А вѣдь эти послѣдніе часто и вовсе не рвались...

— Можетъ быть курсъ перемѣнитъ... не знаю...

— То-есть выйдетъ изъ строя?—Ну, это—врядъ ли!

— Нѣтъ, вы все-таки доложите!..

Для его успокоенія, я обѣщалъ доложить немедленно и мы разстались, чтобы уже не встрѣчаться болѣе.

Опять пошелъ въ боевую рубку.

Какъ и слѣдовало ожидать, на мой докладъ адмиралъ только пожалъ плечами:—Пусть тушатъ пожаръ. Отсюда помочь нечѣмъ...

Въ рубкѣ лежало уже не двое, а пять-шесть человѣкъ убитыхъ; за неимѣніемъ рулевыхъ, на штурвалѣ стоялъ Владимірскій. По лицу у него текла кровь, но усы лихо торчали кверху, и видъ былъ такой же самоувѣренный, какъ, бывало, въ каютъ-компаніи при спорахъ о „будущности артиллеріи".

Выйдя изъ рубки, я предполагалъ отправиться къ Рѣдкину, чтобы передать отвѣтъ адмирала и, кстати, помочь въ тушеніи пожара, но задержался на мостикѣ, глядя на японцевъ.

IV.

За четверть часа на новомъ курсѣ японцы опять много выдвинулись впередъ, и теперь

„Миказа“, ведя колонну, постепенно склонялся вправо на-пересѣчку намъ. Я ждалъ, что мы тоже немедленно начнемъ ворочать въ ту же сторону, но адмиралъ еще нѣкоторое время выдерживалъ на старомъ курсѣ. Я догадывался, что этимъ маневромъ онъ хочетъ, сколько можно, уменьшить дистанцію. Дѣйствительно, для насъ это было бы выгодно, такъ какъ со сбитыми дальномѣрами и наблюдательными постами наша артиллерія годилась только для стрѣльбы почти въ упоръ. Однако выпускать непріятеля поперекъ курса и подвергать себя продольному огню — тоже было не разсчетъ. Напряженно считая мгновенія, я смотрѣлъ и ждалъ... Въ головѣ такъ и мелькало: „Пора! Или нѣтъ?.. Нѣтъ —пора!..“—„Миказа“ ближе и ближе подходилъ къ нашему курсу. Вотъ уже правая 6-дюймовая башня приготовилась стрѣлять... Въ этотъ моментъ мы быстро покатились вправо. Я облегченно вздохнулъ и оглянулся.

Демчинскій со своими людьми все еще не ушелъ и съ чѣмъ-то возился. (Оказалось — онъ убиралъ въ башню стоявшіе на палубѣ ящики 47-мил. патроновъ, чтобы они отъ пожара не начали рваться и бить своихъ). Я спустился къ нему, спросить въ чемъ дѣло, но не успѣлъ сказать слова, какъ слѣдомъ за мной на верху трапа появился командиръ. Голова у него была вся въ крови. Онъ шатался

и судорожно хваталъ руками за поручни... Гдѣ-то, совсѣмъ близко, разорвался снарядъ. Отъ этого толчка онъ потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ съ трапа головой впередъ. По счастью мы это видѣли и успѣли принять его на руки.

— Это ничего! это пустяки! голова закружилась!—обычной скороговоркой, почти весело увѣрялъ онъ, вскочивъ на ноги и порываясь идти дальше...

Но такъ какъ дальше, до перевязочнаго пункта, было еще три трапа, то, несмотря на протесты, мы его все же уложили на носилки.

— Кормовую башню взорвало [1])! — передали откуда-то...

Почти одновременно надъ нами раздался какой-то особенный гулъ; послышался пронзительный лязгъ рвущагося желѣза; что-то огромное и тяжелое, словно, ухнуло; на рострахъ трещали и ломались шлюпки; сверху валились какіе-то горящіе обломки, и непроницаемый дымъ окуталъ насъ... Тогда мы не сообразили въ чемъ дѣло,—оказывается, это упала передняя труба.

Растерявшіеся, ошеломленные сигнальщики, тѣсной кучей, увлекая насъ за собой, шарах-

---

[1]) Съ сосѣднихъ судовъ видѣли, какъ броневая крыша нашей кормовой башни взлетѣла выше мостиковъ и затѣмъ рухнула на ютъ. Что, собственно, произошло? — неизвѣстно.

нулись въ сторону, какъ разъ подъ разрушающіяся ростры... Едва удалось силой остановить ихъ, образумить...

Было 2 ч. 30 м. пополудни.

Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, я хотѣлъ пройти на ютъ, посмотрѣть, что сталось съ кормовой башней, но по верхней палубѣ всякое сообщеніе между носомъ и кормой было прервано. Пробовалъ пройти верхней батареей, откуда, черезъ адмиральскую каюту, былъ прямой выходъ на ютъ, но здѣсь штабное помѣщеніе оказалось охвачено сплошнымъ пожаромъ... Возвращаясь, встрѣтилъ быстро спускавшагося по трапу флагъ-офицера лейтенанта Крыжановскаго.

— Куда вы?

— Въ румпельное отдѣленіе! Руль заклинило!..—кинулъ онъ на бѣгу...

— Только этого и не доставало,—подумалъ я, бросаясь наверхъ.

Выбѣжавъ на передній мостикъ, я въ первый моментъ не могъ оріентироваться: недалеко справа, почти контръ-курсомъ, проходила наша эскадра. Особенно врѣзался въ память „Наваринъ", который, должно быть отставъ, теперь нагонялъ, работая полнымъ ходомъ и неся передъ носомъ огромный бурунъ...

Очевидно „Суворовъ" раньше, чѣмъ послушался машинъ, успѣлъ подъ дѣйствіемъ

заклиненнаго руля повернуть почти на 16 румбовъ.

Линія нашей эскадры была очень неправильная и сильно растянутая, особенно третій отрядъ. Головныхъ я не видѣлъ, — они были у насъ подъ вѣтромъ и заслонялись дымомъ пожара. Въ томъ же направленіи находился и непріятель. Оріентируясь по солнцу и вѣтру, можно было сказать, что наша эскадра идетъ приблизительно на SO, а непріятель находится отъ нея къ NO.

На случай, если въ бою „Суворовъ" выйдетъ изъ строя, миноносцы „Бѣдовый" и „Быстрый" должны были немедленно подойти къ нему, снять адмирала со штабомъ и перевезти его на другой, исправный, корабль. Однако, сколько я ни высматривалъ по сторонамъ — миноносцевъ не было... Сдѣлать сигналъ? но чѣмъ? — всѣ средства сигнализаціи давно были уничтожены...

Между тѣмъ, если мы за дымомъ собственнаго пожара почти не видѣли непріятеля, онъ насъ хорошо видѣлъ и всю силу своего огня сосредоточилъ на подбитомъ броненосцѣ, пытаясь добить его окончательно. Снаряды сыпались одинъ за другимъ. Это былъ какой-то вихрь огня и желѣза... Стоя почти на мѣстѣ и медленно разворачиваясь машинами, чтобы привести на должный курсъ и слѣдовать за эскадрой, „Суворовъ" по-очереди подставлялъ

непріятелю свои избитые борта, бѣшено отстрѣливаясь изъ уцѣлѣвшихъ (уже немногихъ) орудій...

Вотъ что записано объ этихъ моментахъ очевидцами изъ числа нашихъ противниковъ [1]):

„Вышедшій изъ строя „Суворовъ", охваченный пожаромъ, все еще двигался (за эскадрой), но скоро подъ нашимъ огнемъ потерялъ переднюю мачту, обѣ трубы и весь былъ окутанъ огнемъ и дымомъ. Положительно никто бы не узналъ, что это за судно, такъ оно было избито. Однако и въ этомъ жалкомъ состояніи все же, какъ настоящій флагманскій корабль, „Суворовъ" не прекращалъ боя, дѣйствуя, какъ могъ, изъ уцѣлѣвшихъ орудій..."

---

[1]) Для установленія связи между фактами, мною лично наблюдавшимися и записанными, а также для объясненія дѣйствій японцевъ, я пользуюсь источниками, которые, полагаю, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ намъ: это двѣ японскія книжки оффиціознаго изданія, обѣ подъ заглавіемъ «Ниппонъ-Кай Тай-кай-сенъ», т.-е. «Великое сраженіе Японскаго моря». Книжки иллюстрированы многочисленными фототипіями, схематическими планами отдѣльныхъ моментовъ сраженія и содержатъ въ себѣ донесенія различныхъ кораблей и отрядовъ. Нѣкоторыя несущественныя разногласія въ описаніи деталей различными свидѣтелями нигдѣ не сглажены, что только придаетъ изданію особенный характеръ правдивости.

Прошу читателей извинить тяжелый, иногда даже нескладный, языкъ приводимыхъ мною цитатъ. Причина тому—мое желаніе по возможности ближе держаться къ подлиннику, а японскій языкъ по конструкціи своей фразы совсѣмъ не похожъ на европейскіе.

Другая выдержка изъ описанія дѣйствій эскадры адмирала Камимура:

„Суворовъ", поражаемый огнемъ обѣихъ нашихъ эскадръ, окончательно вышелъ изъ строя. Вся верхняя часть его была въ безчисленныхъ пробоинахъ, и весь онъ былъ окутанъ дымомъ. Мачты упали; трубы упали одна за другой; онъ потерялъ способность управляться, а пожаръ все усиливался... Но, и находясь внѣ боевой линіи, онъ все же продолжалъ сражаться такъ, что наши воины отдавали должное его геройскому сопротивленію..."

Возвращаюсь къ личнымъ моимъ впечатлѣніямъ.

Среди гула выстрѣловъ собственныхъ орудій, взрывовъ непріятельскихъ снарядовъ и рева пожара, мнѣ, конечно, и въ голову не пришло подумать о томъ, въ какую сторону мы ворочаемъ—на-вѣтеръ, или подъ-вѣтеръ? Но вскорѣ я это почувствовалъ. Когда броненосецъ, разворачиваясь на курсъ, сталъ кормой противъ вѣтра, дымъ и пламя съ горящихъ ростръ хлынули прямо на передній мостикъ, гдѣ я находился. Вѣроятно, высматривая желанные миноносцы, я не обратилъ вниманія на постепенное приближеніе опасности и спохватился только тогда, когда оказался въ непроницаемомъ дыму. Раскаленный воздухъ жегъ лицо и руки; ѣдкая гарь слѣпила глаза; дышать было нечѣмъ... Надо было спасаться, и притомъ спасаться, идя

навстрѣчу пламени, такъ какъ впередъ, на бакъ, схода не существовало... Одно мгновеніе у меня мелькнула мысль соскочить съ мостика на носовую 12-дюймовую башню, но оріентироваться, выбрать мѣсто и направленіе для прыжка было невозможно... Какъ я вылѣзъ изъ этого пекла?.. Можетъ быть, кто-нибудь изъ команды, ранѣе видѣвшій меня на мостикѣ, выволокъ?.. Какъ я попалъ въ верхнюю батарею, на знакомое мѣсто, къ судовому образу—совершенно не помню и не могу себѣ представить...

Отдышавшись, выпивъ воды и промывъ глаза, я осмотрѣлся. Здѣсь было совсѣмъ уютно. Большой кіотъ судового образа оставался невредимымъ и, повидимому, кромѣ перваго шальнаго снаряда, уничтожившаго временный перевязочный пунктъ, ни одного больше не залетало въ этотъ укромный уголокъ.

Тутъ же стояло нѣсколько человѣкъ команды. Среди нихъ я призналъ нѣкоторыхъ сигнальщиковъ Демчинскаго и спросилъ о немъ. Отвѣтили, что раненъ и ушелъ на перевязку.

Эти люди стояли молча, наружно спокойные, и только во взглядахъ, устремленныхъ на меня, чувствовалась глухая тревога, ожиданіе и смутная надежда... Казалось, они вѣрили, или хотѣли вѣрить, что я могу еще приказать дѣлать что-то нужное, что-то важное и спасительное, и ждали... Но что я могъ приказать? Развѣ что посовѣтовать уйти внизъ, спрятаться

подъ броневую палубу и тамъ ждать своей участи?.. Это они и сами знали. Имъ надо было другого. Они еще чувствовали себя способными къ борьбѣ... Эти „пережившіе" были очень хороши!..

И мнѣ показалось безумно жестокимъ разбить ихъ вѣру, потушить послѣднюю искру надежды, сказать грубую правду, сказать, что борьба невозможна, что все кончено... Нѣтъ! Я не могъ этого... Наоборотъ—я такъ страстно хотѣлъ обмануть ихъ, раздуть эту искру... Что-жъ?—пусть умираютъ въ счастливой увѣренности, что, можетъ быть, слѣдующій мигъ несетъ съ собой побѣду, жизнь, славу...

Какъ я сказалъ уже, на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно собиралась [1]) церковь, и гдѣ докторъ устроилъ (такъ неудачно) временный перевязочный пунктъ, было довольно благополучно. За то позади среднихъ 6-дюймовыхъ башенъ уже начиналъ разыгрываться пожаръ. Туда мы и пошли. Начали растаскивать горящіе предметы, тушить и выбрасывать ихъ за бортъ черезъ гигантскія пробоины... Нашли уцѣлѣвшій пожарный кранъ, даже обрывокъ шланга (безъ пипки); появились ведра... Работали молча и сосредоточенно, словно дѣлали серьезное дѣло... Между тѣмъ, мы тушили здѣсь какую-то рухлядь, а

---

[1]) **На судахъ—церковь разборная и собирается только на время богослуженія.**

рядомъ, за тонкой, раскаленной стальной переборкой, отдѣлявшей насъ отъ штабнаго помѣщенія, бушевалъ настоящій пожаръ, ревъ котораго слышался временами даже среди шума битвы... Иногда кто-нибудь падалъ и либо оставался лежать, либо поднимался и шелъ или ползъ къ трапу, ведущему внизъ... На него даже не смотрѣли: не все-ли равно?—однимъ больше, однимъ меньше...

Сколько такъ прошло времени—5, 10, 15 минутъ...—не знаю... Вдругъ мгновенная, яркая, какъ молнія, мысль промелькнула въ головѣ, ударила въ сердце...

— А въ рубкѣ? Что въ боевой рубкѣ?..

Я бросился наверхъ. Усталость, угнетенное состояніе духа исчезли безслѣдно. Мысль работала съ поразительной ясностью. Я мгновенно сообразилъ, что дымъ заноситъ въ пробоины лѣваго борта, а значитъ правая сторона—навѣтренная, и направился туда. Не безъ затрудненій вылѣзши черезъ развороченный люкъ на верхнюю палубу, я едва узналъ то мѣсто, гдѣ еще недавно мы стояли съ Демчинскимъ. Тутъ, какъ говорится, ступить было некуда: сзади—провалившіяся, костромъ пылающія ростры; впереди—груды обломковъ; трапа на мостикъ не существовало; все правое крыло мостика было разрушено и даже проходъ подъ мостикомъ на другой бортъ былъ заваленъ... Пришлось опять спуститься внизъ и снова

подняться уже на лѣвую сторону. Здѣсь было нѣсколько чище. Ростры, хотя и горѣли и обвалились, но не разсыпались такой безобразной кучей, какъ справа. 6-дюймовая башня, видимо вполнѣ исправная, поддерживала энергичный огонь. Трапъ на мостикъ былъ цѣлъ, но заваленъ горящими койками. 5—6 человѣкъ команды, неотступно слѣдовавшихъ за мной и тоже вышедшихъ наверхъ, дѣятельно принялись, по моему приказанію, растаскивать эти койки и тушить ихъ въ водѣ, стоявшей на палубѣ. Вдругъ гдѣ-то близко и особенно рѣзко звякнулъ снарядъ. Кругомъ запрыгали и застучали осколки...

— Кажется, по 6-дюймовой...—подумалъ я, жмурясь и задерживая дыханіе, чтобы не наглотаться газовъ...

Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, изъ башни торчала только одна, какъ-то безпомощно, вверхъ задранная пушка... Изъ броневой двери высунулся командиръ башни, лейтенантъ Данчичъ:

— А у меня—кончено: одной—снесло дуло, у другой—разбита установка...

Я подошелъ и заглянулъ въ дверь. Изъ прислуги двое лежали, странно свернувшись, а одинъ сидѣлъ, неподвижно уставя широко открытые глаза и обѣими руками держась за развороченный бокъ... комендоръ съ озабочен-

нымъ, дѣловымъ видомъ тушилъ какія-то горящія тряпки...

— А вы что тутъ дѣлаете?

— Да вотъ хочу пройти въ боевую рубку...

— Зачѣмъ? тамъ—никого.

— Какъ никого?

— Вѣрно. Сейчасъ прошелъ Богдановъ. Разсказывалъ—все перебито, пожаръ, всѣ ушли. Онъ вышелъ—мостикъ разбитъ—провалился. Удачно—прямо ко мнѣ. Цѣлъ.

— Гдѣ же адмиралъ?..

Въ это время опять совсѣмъ близко раздался взрывъ, и что-то не сильно и не больно ударило меня сзади по правой ногѣ. Я обернулся. Никого изъ моихъ людей не оставалось на палубѣ. Были они перебиты или просто ушли внизъ?..

— У насъ нѣтъ носилокъ?—услышалъ я тревожный вопросъ Данчича и опять обернулся къ нему:

— Какія носилки?

— Васъ надо... Съ васъ—течетъ!..

Я посмотрѣлъ—дѣйствительно, отъ правой ноги по палубѣ расходилась лужа крови, но нога стояла твердо.

Было 3 часа пополудни.

— Вы можете идти? Постойте, я вамъ дамъ провожатаго,—хлопоталъ Данчичъ...

Я даже разсердился: какіе тутъ провожа-

тые!—и бойко началъ спускаться по трапу, недоумѣвая, что случилось... Когда въ самомъ началѣ сраженія маленькій осколокъ попалъ мнѣ въ поясницу—это было больно, но теперь—никакого впечатлѣнія...

Потомъ уже, въ госпиталѣ, когда меня повсюду таскали на носилкахъ, я понялъ, почему во время боя не было слышно ни стоновъ, ни криковъ. Это ужъ послѣ приходитъ. Очевидно, всѣ наши чувства одинаково имѣютъ строгіе предѣлы для воспринятія внѣшнихъ впечатлѣній, и глубоко правильно, на первый взглядъ нелѣпое, изреченіе: такъ больно, что вовсе не чувствуешь, такъ ужасно, что совсѣмъ не боишься...

Миновавъ верхнюю и нижнюю батареи, я спустился въ жилую палубу (подъ броневой), гдѣ былъ главный перевязочный пунктъ, но невольно попятился назадъ къ трапу...

Жилая палуба была полна ранеными [1]). Они стояли, сидѣли, лежали... Иные на заранѣе приготовленныхъ матрацахъ, иные на спѣшно разостланныхъ брезентахъ, иные на носилкахъ, иные просто такъ... Здѣсь они уже начинали чувствовать. Смутный гулъ тяжелыхъ вздоховъ, полузадушенныхъ стоновъ разливался въ спертомъ, влажномъ воздухѣ, пропитанномъ ка-

---

[1]) Возможно, что здѣсь ихъ было больше, чѣмъ на всей японской эскадрѣ.

кимъ-то кислымъ, противно-приторнымъ запахомъ... Свѣтъ электрическихъ люстръ, казалось, съ трудомъ пробивался черезъ этотъ смрадъ... Гдѣ-то впереди мелькали суетливыя фигуры въ бѣлыхъ съ красными пятнами халатахъ... И къ нимъ поворачивались, къ нимъ мучительно тянулись, отъ нихъ чего-то ждали всѣ эти искалѣченные люди... словно отовсюду, со всѣхъ сторонъ поднимался и стоялъ неподвижный, беззвучный, но внятный, душу пронизывающій призывъ о помощи, о чудѣ, объ избавленіи отъ страданій, хотя бы... цѣною скорой смерти...

Я не сталъ дожидаться очереди, не захотѣлъ пробираться впередъ другихъ, но быстро поднялся по трапу въ нижнюю батарею и здѣсь столкнулся съ флагъ-капитаномъ. Голова у него была перевязана (три осколка въ затылкѣ). Изъ разспросовъ узналъ, что, одновременно съ поврежденіемъ рулевыхъ приводовъ и выходомъ „Суворова" изъ строя, въ рубкѣ были ранены въ голову адмиралъ и Владимірскій. Послѣдній ушелъ на перевязку, и его замѣнилъ, вступивъ въ командованіе броненосцемъ, третій лейтенантъ—Богдановъ. Адмиралъ приказалъ, управляясь машинами, слѣдовать за эскадрой. Попаданія въ передній мостикъ все учащались. Осколки снарядовъ, массами врываясь подъ грибовидную крышу рубки, уничтожили въ ней всѣ приборы, разбили компасъ... По счастью

уцѣлѣли: телеграфъ—въ одну машину; переговорная труба—въ другую. Начался пожаръ на самомъ мостикѣ,—загорѣлись койки, которыми предполагалось защитить себя отъ осколковъ, и маленькая штурманская рубка, находившаяся позади боевой. Жара становилась нестерпимой, а главное—густой дымъ застилалъ все кругомъ, и, при отсутствіи компаса, держать какой-либо курсъ оказывалось невозможнымъ. Надо было переносить управленіе въ боевой постъ, а самимъ уходить изъ рубки въ какое-нибудь другое мѣсто, откуда было бы видно окружающее... Въ рубкѣ въ это время находились: адмиралъ, флагъ-капитанъ и флагманскій штурманъ—всѣ трое раненые, лейтенантъ Богдановъ, мичманъ Шишкинъ и одинъ матросъ, какъ-то до сихъ поръ уцѣлѣвшіе. Первымъ вышелъ изъ рубки на лѣвую сторону мостика лейтенантъ Богдановъ. Смѣло, расталкивая горящія койки, бросился онъ впередъ и... исчезъ въ пламени, провалившись куда-то. Шедшій за нимъ флагъ-капитанъ повернулъ на правую сторону мостика, но здѣсь все было разрушено, трапа не существовало—дороги не было. Оставался только одинъ путь—внизъ, въ боевой постъ. Съ трудомъ растащивъ убитыхъ, лежавшихъ на палубѣ, подняли рѣшетчатый люкъ надъ броневой трубой и по ней спустились въ боевой постъ. Адмиралъ, несмотря на то, что былъ раненъ въ голову, въ спину и

въ правую ногу (не считая мелкихъ осколковъ), держался еще довольно бодро. Изъ боевого поста флагъ-капитанъ отправился на перевязку, адмиралъ же, оставивъ здѣсь легко раненаго флагманскаго штурмана (полковника Филипповскаго) съ приказаніемъ, если не будетъ новыхъ распоряженій, держать на старомъ курсѣ, самъ пошелъ искать мѣста, откуда можно было бы хотя видѣть бой...

Верхняя палуба представляла собою горящія развалины, а потому адмиралъ не могъ пройти дальше верхней батареи (все то же мѣсто у судового образа). Отсюда онъ пытался проникнуть въ лѣвую среднюю 6-дюймовую башню, но это не удалось, и тогда онъ пошелъ въ соотвѣтственную ей правую. На этомъ переходѣ адмираломъ была получена рана, сразу давшая себя почувствовать жестокой болью—осколокъ попалъ въ лѣвую ногу, близъ щиколотки, и перебилъ главный нервъ. Ступня оказалась парализованной. Въ башню адмирала уже ввели и здѣсь посадили на какой-то ящикъ. Онъ, однако, еще нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы тотчасъ же спросить:—отчего башня не стрѣляетъ?—и приказалъ подошедшему Крыжановскому найти комендоровъ, сформировать прислугу и открыть огонь... Но оказалось, что башня повреждена и не вращается. Между прочимъ, Крыжановскій только что вернулся изъ рулевого отдѣленія: рулевая машинка была

исправна, но всѣ три привода къ ней перебиты; равнымъ образомъ не было никакихъ средствъ для передачи приказаній изъ боевого поста къ рулевой машинкѣ, такъ какъ переговорной трубы не существовало вовсе, электрическіе указатели были испорчены, а телефонъ не дѣйствовалъ. Приходилось управляться изъ боевого поста машинами, т.-е. больше вертѣться на мѣстѣ, чѣмъ идти впередъ.

Обстоятельства, которыя я излагаю здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ и въ видѣ связнаго разсказа, конечно, не въ этомъ видѣ мною получены были, а разновременно и отъ разныхъ лицъ, но пытаться передать въ точности эти недоговоренныя фразы, внезапно прерванныя близкимъ взрывомъ снаряда, отрывочныя замѣчанія, брошенныя на ходу, отдѣльныя слова, сопровождаемыя жестомъ, краснорѣчивѣе всякаго слова,—это было бы и невозможно и безцѣльно. Тогда, въ тотъ моментъ наивысшаго напряженія нервной системы, какое-нибудь восклицаніе, взмахъ руки замѣняли собою множество словъ, вполнѣ ясно выражали желаемую мысль, но, переданные на бумагѣ, они никому не были бы понятны.

Тогда время измѣрялось мгновеніями.

Тогда было не до разговоровъ.

Въ нижней батареѣ настоящаго пожара еще не было; онъ шелъ сверху, но черезъ люки, развороченные дымовые кожухи и про-

боины средней палубы внизъ то и дѣло валились горящіе обломки, и то тутъ, то тамъ происходили мелкія „возгоранія“. Однажды, особенно бойко занялось у боевой станціи безпроволочнаго телеграфа, заблиндированной угольными мѣшками. Огонь серьезно угрожалъ скученнымъ въ этомъ мѣстѣ (изъ-за поврежденія рельса подачи) телѣжкамъ съ 75 м.м. патронами, такъ что часть ихъ даже выбросили за бортъ, но все-таки удалось справиться.

Конечно, пожаръ распространялся не только естественнымъ путемъ, ему помогали и непріятельскіе снаряды, продолжавшіе сыпаться на броненосецъ. Потери въ людяхъ не прекращались. Меня контузило въ лѣвую лопатку и два маленькіе осколка угодили въ бокъ.

V.

Я упоминалъ уже, что въ случаѣ выхода „Суворова“ изъ строя, къ нему должны были подойти миноносцы „Бѣдовый“ и „Быстрый“, чтобы перевезти адмирала со штабомъ на другой, исправный корабль. При этомъ, во избѣжаніе замѣшательства, пока не состоялся переносъ флага, или пока не было сдѣлано сигнала о передачѣ командованія, эскадру долженъ былъ вести корабль, слѣдующій за выбывшимъ изъ строя.

Не беру на себя рѣшать здѣсь вопросовъ: Можно ли было видѣть со стороны, что никакіе миноносцы къ „Суворову" не подходили? Было ли очевидно для всякаго, что съ избитаго, горящаго броненосца, безъ мачтъ и безъ трубъ, тщетно ожидать какого-либо сигнала? Слѣдовало ли поэтому считать, что командованіе фактически, само собою, передалось уже слѣдующему по старшинству, и долженъ ли былъ этотъ послѣдній такъ или иначе проявить свою дѣятельность?—Во всякомъ случаѣ „Александръ", т.-е. вѣрнѣе его командиръ, капитанъ I ранга Бухвостовъ, въ точности исполнилъ приказъ и свой долгъ. Послѣ выхода „Суворова" изъ строя, ни отъ кого не получая новыхъ распоряженій, онъ продолжалъ бой, слѣдуя головнымъ и ведя за собою эскадру.

Съ того момента, какъ я видѣлъ ее, проходящею мимо „Суворова" на SO, „Александръ" еще минутъ двадцать шелъ, постепенно склоняясь къ S, пытаясь этимъ способомъ не допустить противника значительно выдвинуться впередъ и броситься поперекъ курса. Въ то же время японцы, возбужденные первымъ успѣхомъ, стремясь снова осуществить свою идею—атаку всѣми силами головного корабля—такъ увлеклись ею и такъ проскочили впередъ, что „Александру" открылась дорога на NO позади ихъ. Онъ воспользовался этимъ и круто по-

вернулъ къ сѣверу, разсчитывая, при удачѣ, самому обрушиться всѣми силами на ихъ арріергардъ, взявъ его продольнымъ огнемъ. Моментъ этого поворота японскія донесенія опредѣляютъ различно: одни—въ 2 ч. 40 м., другія—въ 2 ч. 50 м. дня (моментъ гибели „Ослябя", который подъ сосредоточеннымъ огнемъ шести броненосныхъ крейсеровъ адмирала Камимура вышелъ изъ строя еще раньше „Суворова"). По моимъ личнымъ соображеніямъ послѣдній моментъ болѣе вѣроятенъ.

Еслибы непріятельская эскадра стала ворочать „послѣдовательно", какъ она это сдѣлала въ началѣ боя, то маневръ „Александра" могъ бы имѣть успѣхъ, но въ виду серьезности момента Того на этотъ разъ рѣшился и приказалъ повернуть „всѣмъ вдругъ" влѣво на 16 румбовъ. Поворотъ вышелъ не совсѣмъ удачно. I эскадра („Миказа", „Сикисима", „Фудзи", „Асахи", „Кассуга" и „Ниссинъ") исполнила его, какъ должно, но Камимура со своими крейсерами, вѣроятно, не разобравъ сигнала и ожидая поворота „послѣдовательно", прежнимъ курсомъ проскочилъ мимо нашей эскадры и ложившимися на обратный курсъ броненосцами, мѣшая имъ стрѣлять, послѣ чего, только выйдя на просторъ, могъ повернуть (повернулъ все-таки „послѣдовательно"), а затѣмъ догнать броненосцы и вступить имъ въ кильватеръ.

Это былъ моментъ замѣшательства, за который японцы могли бы дорого поплатиться, но не нашей эскадрѣ было его использовать, особенно въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась къ этому времени.

Непріятель, пользуясь своей быстроходностью, не только успѣлъ выправить разстроившуюся линію, но и достигъ того, къ чему стремился,—вышелъ поперекъ курса „Александра", снова отжимая его къ югу...

Изъ правыхъ портовъ батареи мы могли теперь хорошо видѣть „Александра", который былъ у насъ почти на траверзѣ и держалъ прямо на „Суворова". За нимъ слѣдовали остальные. Разстояніе уменьшалось. Въ бинокль уже отчетливо видны были избитые борта броненосца, разрушенные мостики, горящія рубки и ростры... но трубы и мачты еще стояли. Слѣдующимъ шелъ „Бородино", сильно горѣвшій. Японцы уже успѣли выйти впередъ и завернуть на пересѣчку. Наши подходили справа,—они же оказались слѣва отъ „Суворова". Стрѣляли и въ насъ, и черезъ насъ. Наша носовая 12-дюймовая башня (единственная, до сихъ поръ уцѣлѣвшая) принимала дѣятельное участіе въ бою. На падающіе снаряды не обращали вниманія. Меня ранило въ лѣвую ногу, но я только досадливо взглянулъ на разсѣченный сапогъ. Затаивъ дыханіе, всѣ

ждали... Повидимому, вся сила огня японцевъ была сосредоточена на „Александрѣ". Временами онъ казался весь окутанъ пламенемъ и бурымъ дымомъ, а кругомъ него море словно кипѣло, взметывая гигантскіе водяные столбы... Ближе и ближе... Разстояніе не больше 10 кабельтововъ... И вотъ—одинъ за другимъ, цѣлый рядъ, такъ отчетливо видимыхъ, попаданій по переднему мостику и въ лѣвую 6-дюймовую башню...—„Александръ" круто ворочаетъ вправо, почти на обратный курсъ и уходитъ [1])... За нимъ—„Бородино", „Орелъ" и другіе... Ворочаютъ поспѣшно, даже не выдерживая линіи кильватера... не то—„послѣдовательно",—не то—„всѣ вдругъ"...

Глухой ропотъ пробѣжалъ по батареѣ...

— Бросили!.. Уходятъ!.. Сила не взяла!—раздавались отрывочныя восклицанія среди команды...

Они, эти простые люди, конечно, думали, что наша эскадра, возвращаясь къ „Суворову", имѣла цѣлью его выручить. Ихъ разочарованіе было тягостно, но еще тягостнѣе было тѣмъ, кто понималъ истинное значеніе происходившаго...

Безпощадная память, неумолимое воображеніе такъ ясно, такъ отчетливо возсоздавали

[1]) Былъ ли этотъ поворотъ намѣреннымъ или случайнымъ—вслѣдствіе поврежденія рулевыхъ приводовъ—навсегда осталось тайной.

передъ моими глазами другую, такую же... такую же ужасную картину: такъ же спѣшно, въ такомъ же безпорядкѣ уходили на NW наши броненосцы 28 іюля, послѣ сигнала князя Ухтомскаго...

— Сила не взяла!..

И страшное, роковое слово, которое я даже мысленно не смѣлъ выговорить, неумолчно звенѣло въ мозгу, казалось, огненными буквами было написано и въ дымѣ пожара, и на избитыхъ бортахъ, и на блѣдныхъ, растерянныхъ лицахъ команды...

Рядомъ со мною стоялъ Богдановъ. Мы переглянулись и, кажется, поняли другъ друга. Онъ ужъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ... остановился, потомъ оглянулся и промолвилъ дѣланно-равнодушнымъ тономъ:

— А вѣдь у насъ порядочный кренъ налѣвую!..

— Да, градусовъ восемь будетъ...—согласился я и, вынувъ часы и записную книжку, отмѣтилъ: „*3 часа 25 мин. пополудни; сильный кренъ на-лѣвую; въ верхней батареѣ большой пожаръ*".

Не разъ потомъ я думалъ: чего мы прятались другъ отъ друга и отъ самихъ себя? Почему Богдановъ не рѣшился громко выговорить, а я не посмѣлъ, даже въ собственной памятной книжкѣ, написать это безотрадное слово—*пораженіе?..* Можетъ быть, въ насъ еще теплилась

какая-то смутная надежда на чудо, на какую-нибудь внезапность, которая все измѣнитъ?.. Не знаю...

Послѣ поворота „Александра“ японцы тоже повернули „всѣ вдругъ“ на 16 румбовъ. На этотъ разъ маневръ удался... Да вѣдь это и былъ ужъ не бой, а только маневръ...

Идя обратнымъ курсомъ, японцы проходили у насъ подъ носомъ и съ „Суворова“ казалось, что это мы идемъ въ-разрѣзъ ихъ колонны. Повернули вправо за нашей эскадрой. Конечно, не болѣе, какъ самообманъ: управляясь машинами, да еще не по окрестнымъ предметамъ, а по компасу изъ боевого поста, мы никуда не шли, а только ворочались вправо и влѣво, оставаясь почти на одномъ мѣстѣ.

Проходя мимо, непріятель, разумѣется, не упустилъ случая сосредоточить огонь на упрямомъ кораблѣ, который не хотѣлъ тонуть. Кажется, въ это время была подбита наша послѣдняя башня—носовая 12-дюймовая.

По японскимъ свѣдѣніямъ, одновременно съ эскадрой къ намъ подходили непріятельскіе миноносцы и атаковали насъ, но безуспѣшно. Я ихъ не видѣлъ.

Одинъ снарядъ такъ удачно попалъ въ портъ четвертаго съ носу 75 mm. орудія нижней батареи лѣваго борта, что, снеся орудіе, еще пробилъ и броневую палубу. Вода, захлестывавшая, вслѣдствіе крена на-лѣвую,

въ разбитый портъ, не стекала обратно, а лилась черезъ эту пробоину въ жилую палубу, что представляло серьезную опасность. Богдановъ первый обратилъ на нее вниманіе, и мы начали складывать изъ мѣшковъ (и чего попало подъ руку) нѣчто въ родѣ бруствера, ограждающаго дыру отъ притока воды. Говорю „мы“, потому что въ это время немногочисленная команда, оставшаяся въ батареѣ, не отзывалась ни на какія приказанія. Люди въ какомъ-то оцѣпенѣніи жались по угламъ. Приходилось вытаскивать ихъ чуть не силой и подавать примѣръ, работая собственными руками. Къ намъ присоединились пришедшій откуда-то флагманскій минеръ, лейтенантъ Леонтьевъ, и Демчинскій. Послѣдній могъ дѣйствовать только силой убѣжденія, такъ какъ кисти обѣихъ рукъ у него были забинтованы.

Въ 3 ч. 40 мин. пополудни по батареѣ, а затѣмъ и по всему броненосцу, пронеслось торжествующее „ура!“ Гдѣ и кто закричалъ его впервые? Кому и что померещилось?—осталось неизвѣстнымъ... Передавали, будто откуда-то видѣли, какъ пошелъ ко дну японскій корабль; иные утверждали даже, что не одинъ, а два!.. Во всякомъ случаѣ этотъ торжествующій крикъ внезапно и рѣзко измѣнилъ настроеніе команды: стряхнулъ угнетеніе, вызванное зрѣлищемъ разстрѣла „Александра“ и ухода эскадры.

Люди, только что прятавшіеся по угламъ, глухіе къ приказаніямъ и даже просьбамъ офицеровъ, теперь сами бѣжали къ нимъ съ вопросами—„куда? что дѣлать?“ — Слышались даже шутливыя восклицанія—„Ходи! ходи веселѣй! Небось! Это 6-дюймовые! Чемоданы всѣ вышли!“

Дѣйствительно, съ удаленіемъ главныхъ силъ, насъ разстрѣливали только легкіе крейсера адмирала Дева, а это въ сравненіи съ прежнимъ было почти неощутительно...

Командиръ В. В. Игнаціусъ, послѣ перевязки второй раны въ голову оставшійся въ жилой палубѣ, конечно, не выдержалъ этого момента и, не слушая докторовъ, бросился по трапу въ батарею съ крикомъ—„За мной, молодцы! На пожаръ! На пожаръ! Только бы одолѣть пожаръ!“

Къ нему хлынули разные нестроевые, находившіеся въ жилой палубѣ (санитарные отряды) и легко-раненые, уже бывшіе на перевязкѣ...

Шальной снарядъ ударилъ по люку, и, когда дымъ разсѣялся, ни трапа, ни командира, ни окружавшихъ его людей—никого не было...

Опомнившись отъ впечатлѣнія взрыва, бросились на помощь. Но помогать было некому. Передъ нами была груда чего-то... Съ трудомъ выволокли одного, подававшаго слабые признаки жизни.

Командира не нашли—ужъ очень надо было раскапываться, ища какой-нибудь уцѣлѣвшій погонъ или сапогъ... Нѣсколько въ сторонѣ лежалъ свернувшійся кольцомъ желѣзный трапъ, и въ немъ, какъ запеленатое, чье-то тѣло. По кителю видно—офицеръ. Снесено полголовы. Кто такой?—разобрать трудно...— По нѣкоторымъ примѣтамъ (главнымъ образомъ по небольшой русой бородкѣ) рѣшили, что лейтенантъ Данчичъ. Зачѣмъ то пробовали, было, разогнуть трапъ, освободить тѣло изъ тисковъ,—оказалось не подъ силу... Такъ и оставили его лежать въ желѣзныхъ пеленкахъ...

Этотъ кровавый эпизодъ (одинъ изъ сотни другихъ) не расхолодилъ, однако же, настроенія команды. Въ нижней батареѣ, гдѣ за недостаткомъ рукъ начали чаще и чаще заниматься пожары, появились люди, закипѣла работа... Изъ судовыхъ офицеровъ, кромѣ Богданова, прибѣжалъ еще лейтенантъ Вырубовъ (младшій минеръ). Молодой, рослый, здоровый, въ кителѣ нараспашку, онъ всюду бросался въ первую голову, и одинъ его окрикъ—„Навались! Не сдавай!“—раздававшійся среди дыма и пламени, казалось, удваивалъ силы работавшихъ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ короче и отрывочнѣе мои замѣтки...

Приходилъ, ненадолго, Зотовъ, раненый въ лѣвый бокъ и въ руку. Видимо, бродилъ черезъ

силу. Скоро ушелъ куда-то, сказавъ: „Николай Ивановичъ [1]) вступилъ въ командованіе“...— Выглядывалъ изъ жилой палубы мичманъ князь Церетели, спрашивалъ „какъ дѣла?“—Конечно, отвѣтилъ ему, что идетъ взаимная раздѣлка, что „намъ“ попало, но зато и „имъ“ здорово влетѣло, а чѣмъ кончится—еще неизвѣстно. Онъ, успокоенный, сползъ по трапу подъ броневую палубу.—Пронесли мимо, вторично и тяжело, раненаго Козакевича... потомъ капельмейстера, старика Дитиа... Появился откуда-то мой вѣстовой, Матросовъ, и чуть не силой сталъ тащить меня на перевязку. Едва отъ него отдѣлался, приказавъ прежде всего принести мнѣ папиросъ изъ каюты. Онъ бойко крикнулъ:

— Есть! ваше высокоблагородіе!—и убѣжалъ. Больше мы не видѣлись...

— По орудіямъ! Миноносцы подходятъ! По орудіямъ!—пронеслось по палубѣ...

Легко было сказать—„по орудіямъ!“

Изъ всѣхъ двѣнадцати 75 мм. пушекъ нижней батареи оказалась неподбитой только одна, съ праваго борта... Впрочемъ и ей не пришлось стрѣлять на этотъ разъ.

Миноносцы осторожно приблизились къ намъ съ кормы (по японскимъ свѣдѣніямъ это было въ 4 ч. 20 м. дня), но въ кормовомъ

---

[1]) Ник. Ив. Богдановъ—третій лейтенантъ на «Суворовѣ».

плутонгѣ (позади каютъ-компаніи) еще уцѣлѣла 75 мм. пушка. Волонтеръ Максимовъ, за убылью офицера [1]) принявшій командованіе плутонгомъ, открылъ по миноносцамъ частый огонь, а тѣ, увидѣвъ, что эта странная, избитая посудина все еще огрызается, ушли, выжидая болѣе благопріятнаго времени.

Этотъ случай подалъ мнѣ идею выяснить, какими силами располагаемъ мы для отраженія минной атаки, вѣрнѣе—до какой степени достигаетъ наша безпомощность...

Въ нижней батареѣ оказалось команды—человѣкъ 50 самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Изъ нихъ, однако, два комендора. Пушекъ, какъ ни искали, нашлась, вполнѣ исправная, только одна, да еще другую комендоры предполагали „наладить", собравъ взамѣнъ поврежденныхъ частей соотвѣтственныя части отъ остальныхъ десяти, окончательно выведенныхъ изъ строя. Затѣмъ, была еще пушка у Максимова, въ кормовомъ плутонгѣ.

Закончивъ инспекторскій смотръ нижней батареи, я поднялся въ верхнюю, въ носовой плутонгъ (изъ башенъ, къ тому времени, уже ни одна не дѣйствовала). Здѣсь меня поразила картина, наиболѣе ярко характеризующая дѣйствіе японскихъ снарядовъ: пожара не было;

---

[1]) Мичманъ Фоминъ. Убитъ или тяжело раненъ въ самомъ началѣ боя.

что могло сгорѣть—уже сгорѣло; всѣ четыре 75 мм. пушки были сброшены со станковъ, но тщетно искалъ я на орудіяхъ и на станкахъ слѣдовъ непосредственнаго удара снарядомъ или крупнымъ его осколкомъ. Ничего. Ясно, что разрушеніе было произведено не силой удара, а силой взрыва. Какого?—Въ плутонгѣ не хранилось ни минъ, ни пироксилина... Значитъ, непріятельскій снарядъ далъ взрывъ, равносильный минному...

Читателямъ, можетъ быть, покажутся странными эти прогулки по добиваемому броненосцу, осмотръ поврежденій, ихъ оцѣнка... Да, это было странное, если хотите, даже ненормальное состояніе, господствовавшее, однако, на всемъ кораблѣ. „Такъ ужасно, что совсѣмъ не страшно“. Для всякаго было совершенно ясно, что все кончено. Ни прошедшаго, ни будущаго—не существовало. Оставался только настоящій моментъ и непреоборимое желаніе заполнить его какою-нибудь дѣятельностью, чтобы... не думать...

Спустившись снова въ нижнюю батарею, я шелъ посмотрѣть кормовой плутонгъ, когда встрѣтилъ Курселя.

Прапорщикъ по морской части Вернеръ фонъ-Курсель, курляндецъ родомъ, и общая симпатія всей Суворовской каютъ-компаніи, плавая чуть ли не съ пеленокъ на коммерческихъ судахъ, могъ говорить на всѣхъ евро-

пейскихъ языкахъ, и на всѣхъ одинаково плохо. Когда въ каютъ-компаніи надъ нимъ острили по этому поводу, онъ пресерьезно отвѣчалъ:— „Но я думаю, что по-нѣмецки все-таки лучше другого!"—На своемъ вѣку онъ столько видѣлъ и пережилъ, что никогда не терялъ душевнаго равновѣсія, и никакія обстоятельства не могли помѣшать ему встрѣтить добраго знакомаго пріятною улыбкой.

Такъ и теперь, онъ уже издали кивалъ мнѣ головой и радостно спрашивалъ:—Ну, какія дѣла вы подѣлываете?

— Идетъ ликвидація дѣлъ...—отвѣтилъ я.

— О, совершенно, да!.. Но вотъ меня все не ранитъ и не ранитъ, а васъ, кажется, задѣвало...

— Было...

— Куда вы идете?

— Посмотрѣть кормовой плутонгъ и забрать папиросъ въ каютѣ,—всѣ выкурилъ.

— Въ каютѣ?—и Курсель хитро засмѣялся,—я сейчасъ оттуда. Но, впрочемъ, пойдемте, и я—провожаю.

Онъ, дѣйствительно, оказался полезнымъ провожатымъ, такъ какъ зналъ, гдѣ дорога свободна отъ обломковъ.

Добравшись до офицерскаго отдѣленія, я въ недоумѣніи остановился,—вмѣсто моей каюты и двухъ смежныхъ съ ней была сплошная дыра...

Курсель весело хохоталъ, радуясь своей шуткѣ...

Внезапно разсердившись, я махнулъ рукой и быстро пошелъ обратно. Въ батареѣ Курсель меня догналъ и сталъ угощать сигарами...

Въ нижней батареѣ всякія возгоранія были уже прекращены, и, ободренные успѣхомъ, мы рѣшили попытать счастья въ верхней. Двое трюмныхъ [1]) достали откуда-то совсѣмъ новые, необдѣланные шланги; одинъ конецъ проволокой найтовили къ пожарному крану, а на другой—тѣмъ же способомъ—наращивали пипку...

— Ай, да молодцы!—ободрялъ ихъ Богдановъ.

Вооружившись шлангами и прикрываясь отъ огня мокрыми мѣшками, сначала только высунулись черезъ церковный люкъ, а затѣмъ, заливъ горѣвшую здѣсь рухлядь перевязочнаго пункта, и совсѣмъ вылѣзли въ верхнюю батарею. Команда работала съ увлеченіемъ, и скоро въ церковномъ отдѣленіи пожаръ былъ прекращенъ. Зато позади среднихъ 6-дюймовыхъ башенъ бушевало пламя. Двинулись туда, но тутъ... Сюда, какъ въ мѣсто болѣе укрытое, убраны были съ мостиковъ ящики патроновъ

---

[1]) Трюмные—завѣдующіе трюмами, водоотливной и пожарной системой.

47 мм. пушекъ, и надо же было, чтобы какъ разъ въ то время, когда мы собирались тушить окружавшее ихъ пламя, они начали рваться. Нѣсколько человѣкъ сразу же упало убитыми и ранеными. Произошло замѣшательство...

— Это ничего! это сейчасъ кончается! — пробовалъ убѣждать Курсель...

Но взрывы все учащались. Новые шланги были перебиты одинъ за другимъ. Въ то же время гдѣ-то близко раздался характерный рѣзкій ударъ, сопровождаемый лязгомъ рвущагося желѣза... Еще и еще... Это были уже не 6 дюймовые, а опять „чемоданы"... Людьми овладѣла паника. Никого и ничего не слушая, они бросились внизъ.

Когда, огорченные неудачей, казалось, такъ хорошо начатаго дѣла, мы спускались въ нижнюю батарею, что-то (должно быть какой-нибудь обломокъ) ударило меня въ бокъ, и я пошатнулся.

— Опять задѣвало?—спросилъ Курсель, вынимая изо рта сигару и участливо наклоняя голову...

А я смотрѣлъ на него и думалъ: „Вотъ если-бы цѣлую эскадру укомплектовать людьми съ такой выдержкой!"

VI.

Между тѣмъ, наша эскадра, послѣ своего крутого поворота отъ „Суворова", шла, посте-

пенно склоняясь вправо, чтобы не выпускать на пересѣчку своего курса японцевъ, которые неизмѣнно къ этому стремились. Въ результатѣ оба противника двигались по дугамъ концентрическихъ круговъ: наши—по внутренней, японцы—по внѣшней.

Около 4 ч. пополудни судьба, какъ будто, пыталась послѣдній разъ намъ улыбнуться.

Среди густого дыма, валившаго изъ поврежденныхъ трубъ, дыма отъ выстрѣловъ и отъ пожаровъ, мѣшавшагося съ туманомъ, еще стлавшимся надъ моремъ, японскія главныя силы какъ-то разошлись съ нашими и потеряли ихъ изъ виду.

Японскіе источники, которыми я пользуюсь, говорятъ объ этомъ эпизодѣ весьма кратко и глухо. Ясно только, что Того считалъ нашу эскадру прорвавшейся какимъ-то образомъ на сѣверъ и пошелъ туда на поиски за нею, но Камимура не согласился съ этимъ мнѣніемъ и со своими крейсерами направился на S и SW. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно понять горячіе панегирики въ особомъ отдѣлѣ книги „Ниппонъ-Кай Тай-Кайсенъ", озаглавленномъ „Доблесть адмирала Камимура". Не будь этой доблести, возможно, что на 14 мая бой былъ бы законченъ, и наша эскадра имѣла бы время собраться и оправиться.

Идя на S, а потомъ на SW, Камимура услышалъ усиленную канонаду, доносившуюся

съ запада, и пошелъ прямо туда. Это адмиралъ Катаока нападалъ (до сихъ поръ довольно безуспѣшно) на наши крейсера и транспорты. Камимура принялъ дѣятельное участіе въ сраженіи и тутъ же вскорѣ открылъ наши главныя силы, которыя, описавъ почти кругъ діаметромъ около 5 миль, возвращались къ тому же мѣсту, откуда Александръ сдѣлалъ свой внезапный и крутой поворотъ, и около котораго безпомощно бродилъ Суворовъ.

Было около 5 ч. вечера.

Мы съ Курселемъ находились въ нижней батареѣ, куря сигары и обмѣниваясь замѣчаніями о предметахъ, къ дѣлу не относящихся, когда Суворовъ оказался среди нашей эскадры, нестройно двигавшейся на сѣверъ.

Одни суда проходили у насъ справа, другія—слѣва. Головнымъ, ведя эскадру, шелъ Бородино (капитанъ I ранга Серебрянниковъ). Алексанръ, сильно избитый, съ крепомъ и сѣвшій въ воду почти до портовъ нижней батареи, держался внѣ линіи, медленно отставая, но не прекращалъ боя, дѣйствуя изъ уцѣлѣвшихъ орудій. Я его не видѣлъ, но разсказывали, что у него вся носовая часть—отъ тарана до 12-дюймовой башни—была, словно, раскрыта.

Крейсера и транспорты, примкнувшіе къ главнымъ силамъ, шли сзади и нѣсколько влѣво

отъ нихъ, атакуемые отрядами эскадры адмирала Катаока (кромѣ самого Катаока еще адмиралы Дева, Уріу и Того-младшій). Камимура держался правѣе, т.-е. къ востоку, идя тоже на сѣверъ.

„Чемоданы“ такъ и сыпались. Изъ машины уже нѣкоторое время тому назадъ сообщали, что „вентиляторы качаютъ не воздухъ, а дымъ, что люди задыхаются, падаютъ, и что скоро некому будетъ работать“... Электричество меркло, и отъ динамо-машинъ жаловались, что мало пару...

— Миноносецъ подходитъ!

Бросились къ нашей единственной пушкѣ (другой такъ и не удалось „наладить“), но оказалось, что это „Буйный“, случайно проходившій мимо и, по собственной иниціативѣ, приблизившійся къ искалѣченному броненосцу, чтобы спросить, не можетъ ли онъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ.

Флагъ-капитанъ, находившійся на срѣзѣ, приказалъ Крыжановскому сдѣлать ему семафоромъ (руками) сигналъ: „Примите адмирала“.

Я наблюдалъ изъ батареи за маневрами „Буйнаго“, когда внезапно откуда-то появился адмиральскій вѣстовой, Петръ Пучковъ, и бросился ко мнѣ:

— Ваше высокоблагородіе! Пожалуйте въ башню! Миноносецъ пришелъ—адмиралъ пересаживаться не хочетъ!

Долженъ оговориться, что адмиралъ не былъ на перевязкѣ, и никто на броненосцѣ не зналъ, насколько тяжело онъ раненъ, такъ какъ въ моменты полученія ранъ на всѣ вопросы онъ сердито отвѣчалъ, что это пустяки. Очевидцы разсказывали, что послѣ того, какъ его ввели, вѣрнѣе—внесли, въ башню и посадили на ящикъ, онъ такъ и оставался въ этомъ положеніи. Иногда поднималъ голову, задавалъ вопросы о ходѣ боя, а потомъ опять сидѣлъ молча и понурившись... Но въ томъ состояніи, въ какомъ находился Суворовъ, что другое онъ могъ бы дѣлать? Его поведеніе казалось всѣмъ вполнѣ естественнымъ, и никому не приходило на мысль, что эти вопросы ничто иное, какъ только мгновенныя вспышки энергіи, краткіе проблески сознанія... Теперь, на докладъ о подходѣ миноносца онъ, очнувшись, отчетливо приказалъ: — Собрать штабъ!—а затѣмъ только хмурился и, казалось, не хотѣлъ ничего больше слушать [1]).

[1]) Изъ всѣхъ раненыхъ чиновъ штаба, бывшихъ внизу подъ броневой палубой, удалось «собрать» только Филипповскаго и Леонтьева. Первый находился въ боевомъ посту, наглухо отдѣленномъ отъ жилой палубы и имѣвшемъ притокъ свѣжаго воздуха черезъ броневую трубу боевой рубки (хотя и здѣсь онъ сидѣлъ при свѣчахъ—лампы гасли), а второй былъ у самаго выходного люка. Жилая палуба была во тьмѣ (электричество погасло) и полна удушающаго дыма. Люди, бросившіеся искать чиновъ штаба, могли только звать ихъ, но не получали отвѣта ни отъ тѣхъ, кого окликали, ни отъ кого другого. Въ дымной тьмѣ царило мертвое молчаніе. Вѣроятно всѣ, находившіеся въ закрытыхъ

Черезъ откинутый полупортикъ нижней батареи я, при помощи Курселя, выбрался на правый бортовой срѣзъ впереди средней 6-дюймовой башни. Помощь мнѣ уже требовалась. Правая нога, разорванная осколкомъ отъ бедра до колѣна (рана 13 см. длины и глубиною 25—37 миллим. По счастью кость только задѣта), подвертывалась и плохо слушалась, но, по крайней мѣрѣ, не болѣла. Зато лѣвой ногой, на которой былъ разсѣченъ большой палецъ съ раздробленіемъ кости, я могъ ступать только на пятку. Всякій толчокъ носкомъ причинялъ жестокую боль. Къ тому-же сапогъ, черезъ свою пробоину, былъ полонъ не только кровью, но и грязной, соленой водой, стоявшей на палубѣ по-щиколотку.

На срѣзѣ боцманъ и нѣсколько матросовъ работали, очищая его отъ горящихъ обломковъ, свалившихся съ ростеръ. Справа, по носу, совсѣмъ близко, не дальше 3—4 кабельтововъ, я увидѣлъ „Камчатку", стоявшую неподвижно. Крейсера Камимуры разстрѣливали ее съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и насъ, съ тою лишь

помѣщеніяхъ подъ броневой палубой, куда вентиляторы качали «не воздухъ, а дымъ», постепенно угорали и теряли сознаніе. Машины не работали; электричество погасло отъ недостатка пара, а между тѣмъ снизу никто не вышелъ... Можно думать, что изъ 900 человѣкъ, составлявшихъ населеніе «Суворова», къ этому времени оставались въ живыхъ только тѣ немногіе, что собрались въ нижней батареѣ и на навѣтренномъ срѣзѣ.

разницей, что по отношенію къ „Камчаткѣ“ задача была много легче.

Буйный держался на ходу недалеко отъ борта. Командиръ его, капитанъ 2 ранга Коломейцевъ, кричалъ въ рупоръ: „Есть-ли у васъ шлюпка перевезти адмирала? У меня нѣтъ!“— Флагъ-капитанъ и Крыжановскій что-то ему отвѣчали.

Я заглянулъ въ башню, броневая дверь которой была повреждена и не отодвигалась вовсю, такъ что полному человѣку пролѣзть въ нее врядъ-ли было бы возможно. Адмиралъ сидѣлъ, весь какъ-то осунувшись, низко опустивъ голову, обмотанную окровавленнымъ полотенцемъ.

— Ваше превосходительство! — крикнулъ я,—пришелъ миноносецъ! Надо перебираться!

— Приведите Филипповскаго...—глухо отвѣтилъ адмиралъ, не мѣняя положенія...

Адмиралъ видимо собирался вести эскадру, перебравшись на другой корабль, и потому требовалъ флагманскаго штурмана, отвѣтственнаго за счисленіе и слѣдящаго за безопасностью маневрированія.

— Его сейчасъ приведутъ! За нимъ пошли!

Адмиралъ только отрицательно покачалъ головой...

Я не настаивалъ, такъ какъ раньше, чѣмъ выводить адмирала, надо было позаботиться о средствахъ для переправы.

Въ компаніи съ Курселемъ, боцманомъ и еще двумя-тремя матросами достали изъ верхней батареи нѣсколько полуобгорѣлыхъ коекъ, какойто конецъ [1]) и начали изъ этого матеріала вязать нѣчто въ родѣ плота, на которомъ разсчитывали спустить адмирала на воду и такъ передать на миноносецъ. Рискованно, но другого выхода не было.

Плотъ готовъ. Кстати пришелъ и Филипповскій [2]). Бросились къ башнѣ.

— Ваше превосходительство! Выходите! Филипповскій здѣсь!

Адмиралъ молча смотрѣлъ на насъ, покачивая головой... Не то — соглашался, не то— нѣтъ... Положеніе было затруднительное...

— Что вы разглядываете!—вдругъ закричалъ Курсель.—Берите его! Видите, онъ совсѣмъ раненый!

И словно всѣ только и ждали этого крика, этого толчка... Всѣ сразу заговорили, заторопились... Нѣсколько человѣкъ пролѣзло въ башню... Адмирала схватили подъ руки, подняли... но едва онъ ступилъ на лѣвую ногу, какъ мучи-

---

[1]) Во флотѣ говорятъ «конецъ», а не «веревка».

[2]) Его вели подъ-руки. Послѣ двухъ часовъ въ тѣсномъ помѣщеніи боевого поста, наполненномъ дымомъ, онъ съ трудомъ держался на ногахъ; лицо—черное отъ копоти и, почти сплошь, покрытое потеками запекшейся крови. (Онъ получилъ множество самыхъ мелкихъ осколковъ въ голову—словно зарядъ дроби).

тельно застоналъ и окончательно лишился сознанія. Это было и лучше.

— Тащи! Тащи смѣлѣй! Легче, черти! На бокъ! На бокъ ворочай! Стой—трещитъ! Чего трещитъ—тужурка трещитъ! Тащи!—раздавались кругомъ суетливые голоса.

Адмирала съ большими усиліями, разорвавъ на немъ платье, протащили сквозь узкое отверстіе заклиненной двери башни на кормовой срѣзъ и ужъ хотѣли подвязывать къ плоту, когда Коломейцевъ сдѣлалъ то, что можно сдѣлать только разъ въ жизни, только по вдохновенію... Сухопутные читатели, конечно, не смогутъ представить себѣ весь рискъ маневра, но морякамъ оно должно быть понятно. Онъ присталъ къ навѣтренному борту искалѣченнаго броненосца съ его повисшими, исковерканными пушечными полупортиками, торчащими враздрай орудіями и перебитыми стрѣлами сѣтевого огражденія [1])... Мотаясь на волнѣ, миноносецъ то поднимался своей палубой почти въ уровень со срѣзомъ, то уходилъ далеко внизъ, то отбрасывался отъ броненосца, то стремительно размахивался въ его сторону, каждое мгновеніе рискуя пропороть свой тонкій бортъ о любой выступъ неподвижной громады.

Адмирала поспѣшно протащили на рукахъ

---

[1]) Подойти съ подвѣтра не было никакой возможности—туда несло весь дымъ и все пламя пожара.

съ кормового на носовой срѣзъ узкимъ проходомъ между башней и раскаленнымъ бортомъ верхней батареи и отсюда по спинамъ людей, стоявшихъ на откинутомъ полу-портикѣ и цѣплявшихся по борту, спустили, почти сбросили на миноносецъ, выбравъ моментъ, когда этотъ послѣдній поднялся на волнѣ и мотнулся въ нашу сторону.

— Ура! Адмиралъ на миноносцѣ! Ура!— закричалъ Курсель, махая фуражкой...

— Ура!—загремѣло кругомъ.

Какъ я съ моими порчеными ногами попалъ на миноносецъ—не помню... Помню только, какъ, лежа на горячемъ кожухѣ между трубами, смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на „Суворова“...

Это были мгновенія, которыя уже никогда не изглаживаются изъ памяти...

Миноносецъ у борта „Суворова“ подвергался опасности не только разбиться. Какъ „Суворовъ“, такъ и „Камчатка“ все еще энергично разстрѣливались японцами; на миноносцѣ уже были и убитые и раненые осколками, а одинъ удачный снарядъ каждое мгновеніе могъ пустить его ко дну...

— Отваливайте скорѣе!—кричалъ со срѣза Курсель...

— Не теряйте минуты! Отваливайте! Не утопите адмирала!—ревѣлъ Богдановъ, перевѣсившись за бортъ и грозя кулакомъ Коломейцеву...

— Отваливайте! чортъ возьми! отваливайте!—поддерживалъ Вырубовъ, высунувшись изъ пушечнаго порта позади правой передней 6-дюймовой башни...

— Отваливай! отваливай! — вторила имъ, махая фуражками, команда, вылѣзшая па срѣзъ, выглядывавшая изъ портовъ нижней батареи [1]).

Выбравъ моментъ, когда миноносецъ откинуло отъ борта, Коломейцевъ далъ задній ходъ...

Прощальное „ура!“ неслось съ „Суворова“...

Я сказалъ — съ „Суворова“... Но кто бы узналъ въ этой искалѣченной громадѣ, окутанной дымомъ и пламенемъ пожара, недавно грозный броненосецъ...

Гротъ-мачта была сбита на половинѣ высоты;

---

[1]) Впослѣдствіи Коломейцевъ разсказывалъ, что, считая броненосецъ погибающимъ (со стороны это было ясно видно), онъ спрашивалъ Богданова, Вырубова и Курселя:—Не перейдутъ ли и они къ нему съ остатками команды?—(причемъ, конечно, броненосецъ долженъ былъ быть утопленъ, и это было такъ нетрудно—мину въ-упоръ, въ подходящее мѣсто, и—конецъ). Но вѣдь для принятія такого рѣшенія надо было прежде всего осмотрѣть весь броненосецъ, убѣдиться, что всѣ живые (здоровые и раненые) собраны въ одно мѣсто, готовы къ пересадкѣ... Утопить хоть одного, своими руками... Возможно-ли?.. Надо было время, а времени не было... Каждое мгновеніе было дорого, каждое мгновеніе шальной снарядъ могъ пустить ко дну миноносецъ со всѣми, на немъ находившимися... И вотъ почему, такъ мнѣ кажется, Богдановъ, Вырубовъ, Курсель, чьи имена сохранитъ исторія—будучи много моложе командира «Буйнаго», такъ властно, такъ смѣло кричали ему «отваливай!»—и онъ... не смѣлъ ихъ ослушаться...

фокъ-мачты и обѣихъ трубъ не было вовсе; возвышенные мостики и переходы были словно срѣзаны, и вмѣсто нихъ надъ палубой подымались безформенныя груды исковерканнаго желѣза; лѣвый бортъ низко склонился къ водѣ, а съ правой стороны широкой полосой краснѣла подводная часть, обнажившаяся вслѣдствіе крена; въ безчисленныхъ пробоинахъ бушевало пламя пожара...

Миноносецъ быстро удалялся, преслѣдуемый оживленнымъ огнемъ замѣтившихъ его японцевъ...

Было 5 час. 30 мин. пополудни.

Напомню уже сказанное: до послѣдняго момента никто на „Суворовѣ" не имѣлъ яснаго представленія о тяжести ранъ, полученныхъ адмираломъ, а потому на „Буйномъ" первый вопросъ былъ,—на какой корабль везти адмирала для дальнѣйшаго командованія эскадрой? Но когда фельдшеръ, Петръ Кудиновъ, приступилъ къ поданію ему первой помощи, то положеніе сразу опредѣлилось. Кудиновъ рѣшительно заявилъ, что адмиралъ—между жизнью и смертью; что осколокъ черепа вогнанъ внутрь, а потому всякій толчокъ можетъ быть гибельнымъ и при тѣхъ условіяхъ погоды, какія были—свѣжій вѣтеръ и крупная волна—невозможно передавать его на какой-нибудь корабль; кромѣ того—на ногахъ онъ держаться не можетъ,

а общее состояніе—упадокъ силъ, забытье, временами бредъ и лишь краткіе проблески сознанія—дѣлаютъ его неспособнымъ къ какой-либо дѣятельности [1]).

На „Буйномъ“ съ кожуха, на который я попалъ первоначально, я перебрался на мостикъ; но тутъ оказалось, что ноги меня совсѣмъ не держатъ. Пришлось лечь. Однако, лежа я такъ мѣшалъ всѣмъ, находившимся при управленіи, что командиръ дружески посовѣтовалъ мнѣ убраться куда-нибудь, хоть... къ чорту или на перевязку.

Въ это время мы догоняли эскадру, и флагъ-капитанъ, рѣшивъ, что раньше, чѣмъ дѣлать какой-либо сигналъ, все-таки надо спросить мнѣнія адмирала, поручилъ это мнѣ. Съ большими затрудненіями, поддерживаемый добровольными санитарами, пробравшись на корму и спустившись по трапу, я заглянулъ въ капитанскую каюту.

Фельдшеръ заканчивалъ перевязку. Адмиралъ лежалъ на койкѣ неподвижно, съ полузакрытыми глазами, но былъ въ сознаніи.

Окликнувъ его, я спросилъ, чувствуетъ ли онъ себя въ силахъ продолжать командованіе эскадрой и на какой корабль прикажетъ себя везти?

Адмиралъ съ трудомъ повернулъ голову

---

[1]) Адмиралъ былъ раненъ: въ голову, въ спину (между лопатками) и въ обѣ ноги. Все раны тяжелыя и серьезныя. Мелкихъ пораненій и контузій—не считали.

въ мою сторону и нѣкоторое время точно усиливался что-то вспомнить...

— Нѣтъ... куда же... сами видите... командованіе—Небогатову...—глухо проговорилъ онъ и, вдругъ оживившись, съ внезапной вспышкой энергіи добавилъ:

— Идти эскадрой! Владивостокъ! Курсъ NO 23°!..—и снова впалъ въ забытье...

Пославъ этотъ отвѣтъ флагъ-капитану (не помню черезъ кого—кажется черезъ Леонтьева) я самъ хотѣлъ остаться въ каютъ-компаніи, но здѣсь рѣшительно негдѣ было приткнуться. Всѣ помѣщенія миноносца и даже верхняя палуба были полны людей. Раньше чѣмъ подойти къ „Суворову", онъ подобралъ болѣе 200 человѣкъ на мѣстѣ гибели „Ослябя". Среди нихъ были и раненые, поплававшіе въ соленой водѣ, и полузахлебнувшіеся. Эти послѣдніе съ ихъ посинѣлыми лицами, сведенные судорогами отъ мучительнаго кашля и боли въ груди, производили впечатлѣніе хуже самыхъ тяжелыхъ раненыхъ... Я выбрался на верхнюю палубу и примостился на какомъ-то ящикѣ у трапа въ офицерское помѣщеніе.

На мачтахъ миноносца развѣвались сигналы и, кромѣ того, близко державшимся „Безупречному" и „Бѣдовому" передавали какія-то приказанія семафоромъ [1]). Мы уже догнали

---

[1]) «Безупречному» приказано было идти къ «Николаю» и передать семафоромъ послѣднія распоряженія бывшаго

эскадру и шли совмѣстно съ транспортами, которые спереди и справа прикрывались крейсерами. Еще правѣе, кабельтовахъ въ 30, шли наши главныя силы. Головнымъ, ведя эскадру—„Бородино". За нимъ—„Орелъ". „Александра" не было видно[1]). Еще дальше въ наступавшихъ сумеркахъ смутно виднѣлись силуэты японцевъ, шедшихъ параллельнымъ курсомъ. Огоньки орудiйныхъ выстрѣловъ безпрерывно мелькали по ихъ линiи. Упорный бой все еще не прекращался...

Рядомъ съ собой я увидѣлъ одного изъ офицеровъ „Ослябя" и спросилъ его: что собственно, какая пробоина погубила броненосецъ?

Онъ какъ-то нелѣпо махнулъ рукой и голосомъ, полнымъ обиды, заговорилъ прерывисто:

— Что—какъ... вспомнить горько! Нѣтъ счастья! Однѣ неудачи!.. Ну, да!—кто-жъ споритъ? Хорошо стрѣляютъ... Но развѣ это прицѣлъ? Развѣ это умѣнье? Счастье! Удача! Чортова удача! Три снаряда одинъ за другимъ почти въ одно мѣсто! Понимаете? — Всѣ въ то же мѣсто! Всѣ въ ватеръ-линiю подъ носовой башней!.. Не пробоина, а ворота! Тройка

командующаго новому, т.-е. Небогатову. «Бѣдоваго» послали къ «Суворову» снять оставшихся людей. Онъ не нашелъ «Суворова»... Почему?

[1]) «Александръ» погибъ около $5^1/_2$ час. дня.

проѣдетъ!.. Чуть накренились—стала подводной... Такой водопадъ... разумѣется, переборки не выдержали!.. Никакой чортъ бы не выдержалъ!..—истерично выкрикнулъ онъ и вдругъ, закрывъ лицо руками, безпомощно опустился на палубу...

Около 7 час. вечера на курсѣ нашихъ главныхъ силъ появились непріятельскіе миноносцы. Крейсера открыли по нимъ энергичный огонь, и они поспѣшно удалились.

„Не набросали-бы минъ на дорогѣ“,—думалъ я, ворочаясь на своемъ ящикѣ и тщетно пытаясь устроиться поудобнѣе...

— „Бородино!“ Смотрите, „Бородино“!—вдругъ раздались кругомъ тревожныя восклицанія.

Я, какъ могъ быстро, поднялся на рукахъ, но на мѣстѣ „Бородина“ увидѣлъ только высокіе взметы бѣлой пѣны...

Было 7 ч. 10 м. вечера.

Непріятельская эскадра, круто повернувъ вправо, уходила къ востоку, а на смѣну ея надвигалась туча миноносцевъ. Они охватывали насъ полукольцомъ—съ сѣвера, востока и юга... Готовясь принять атаку съ кормы, крейсера (и мы за ними) постепенно склонялись влѣво и, наконецъ, пошли почти прямо на западъ—на зарю (компаса вблизи не было).

Въ 7 ч. 40 м. вечера я видѣлъ еще наши

броненосцы, которые шли сзади насъ въ безпорядочномъ строѣ, отстрѣливаясь отъ насѣдавшихъ миноносцевъ...

Это была моя послѣдняя запись.

Мнѣ становилось все хуже. Отъ потери крови и начинавшагося воспаленія въ неперевязанныхъ, загрязнившихся ранахъ, чувствовалась сильная слабость, ознобъ, головокруженіе... Я спустился внизъ искать помощи.

Но „Суворовъ"?

Вотъ какъ описываетъ японецъ послѣднія его минуты:

„Въ сумеркахъ, въ то время какъ наши крейсера гнали непріятельскіе къ сѣверу, они увидѣли „Суворова", одиноко стоящаго вдали отъ мѣста боя, съ сильнымъ креномъ, окутаннаго огнемъ и дымомъ. Бывшій при нашихъ крейсерахъ отрядъ миноносцевъ капитанъ-лейтенанта Фудзимото тотчасъ же пошелъ на него въ атаку.

Этотъ корабль („Суворовъ"), весь обгорѣвшій и еще горящій, перенесшій столько нападеній, разстрѣливавшійся всей (въ точномъ смыслѣ этого слова) эскадрой, имѣвшій только одну случайно уцѣлѣвшую пушку въ кормовой части, все же открылъ изъ нея огонь, выка-

зывая рѣшимость защищаться до послѣдняго момента своего существованія, пока плаваетъ на поверхности воды.

Наконецъ, въ 7 час. вечера, послѣ двухъ атакъ нашихъ миноносцевъ, онъ пошелъ ко дну"...

Вѣчная память погибшимъ героямъ!...

Февраль 1906.
Cap Martion.

ВМѢСТО ЭПИЛОГА
(Въ бреду).

...Но гдѣ я? гдѣ я?—Не понимаю и не помню, ничего не помню!—Тьма непроглядная и тишина, истинно мертвая тишина. Я дѣлаю страшныя усилія возстановить что-либо въ моей памяти; какіе-то смутные образы, обрывки впечатлѣній всплываютъ предо мною... „Возьмите, возьмите меня!"—раздается отчаянный, дикій крикъ—среди обломковъ, пламени и бураго дыма, стоя на ногахъ, корчится отъ боли и ужаса полуобгорѣвшій человѣкъ... на него направляютъ цѣлый потокъ воды, и онъ умолкаетъ и странно смѣется... Я сразу вспомнилъ...

Вспомнилъ все—всю прошлую жизнь, войну, послѣднее плаваніе, бой... Но я-то самъ? Значитъ я убитъ? Отчего эта тьма и тишь? Лежу гдѣ-нибудь на днѣ?..

Я пробую дать себѣ отчетъ, здѣсь-ли мое

тѣло—руки, ноги... что подо мной и вокругъ меня—ничего! А между тѣмъ я—весь цѣликомъ—тутъ... гдѣ-то... Я пробую рѣшить,—могу-ли двигаться?—Странное ощущеніе: то мнѣ кажется, что я совершенно неподвиженъ, то двигаюсь куда-то съ невѣроятной быстротой, и во мнѣ поперемѣнно рождаются то ощущеніе головокружительнаго неудержимаго паденія, то захватывающаго духъ полета вверхъ... какой-то вихрь носитъ и кружитъ *то что-то*, въ чемъ я признаю себя...

И вдругъ мысль, мгновенная, яркая, какъ молнія озаряетъ меня: я могу быть вездѣ! вездѣ, гдѣ захочу! стоитъ только захотѣть!..

И вотъ—я хочу быть тамъ, гдѣ, вѣроятно, еще кипитъ бой...

Я вижу... нѣтъ, ощущаю... и это не то—сознаю (вотъ настоящее слово), что низко надъ моремъ плывутъ дымныя, рваныя тучи, а подъ ними тяжело и безтолково вздымаются волны. Ихъ поднялъ уже стихшій вѣтеръ, дувшій съ утра, а новый, легкій—только спуталъ. На мгновеніе эта толкотня, сшибаніе пѣнистыхъ гребней поглощаютъ все мое вниманіе; и мнѣ кажется, что это совсѣмъ не безтолково, а вполнѣ разумно, и если я захочу, то сейчасъ же пойму въ чемъ дѣло—почему одна струйка должна уступить другой, почему именно такъ, а не иначе, должны схлеснуться и разсыпаться пѣной эти, на видъ безтолковыя, волны...

А вотъ какой-то полуобгорѣвшій обломокъ и чья-то судорожно уцѣпившаяся за него рука... Что такое? Почему?.. Зачѣмъ онъ цѣпляется за этотъ кусокъ дерева, когда я такъ свободно вижу его и снизу и сверху—со всѣхъ сторонъ... Другая рука разбита въ самомъ плечѣ, вмѣсто праваго бока какая-то путаница клочьевъ мяса и одежды... Лицо! лицо! я хочу видѣть лицо!.. и я вижу его, это изсине-блѣдное мертвое лицо и глаза... глаза, обращенные туда, къ небу, къ этимъ сѣрымъ тучамъ... глаза, которые просятъ о чемъ-то, въ которыхъ сосредоточилась вся душа этого изуродованнаго тѣла, которые даже въ эту минуту еще горятъ надеждой, которые еще берегутъ въ себѣ послѣднюю искру жизни... Страстная жалость охватываетъ меня... Я хочу сказать ему: зачѣмъ ты мучишься? чего ждешь? — брось этотъ обломокъ и ты будешь такимъ же свободнымъ, какъ я...

И я не могу сказать ему этого... я сознаю, что я и подъ нимъ, и надъ нимъ, и вокругъ него и даже въ немъ самомъ, но онъ меня не понимаетъ, и мучится, и ждетъ чего-то... и я не могу, не имѣю власти просвѣтить его... Почему?

— Потому что не смѣешь толкать его на самоубійство. Можетъ быть для его духа эти минуты страданія важнѣе всей предшествовавшей жизни. Надо жить и страдать до кон-

ца,—неожиданно встаетъ передо мною ясный, опредѣленный отвѣтъ...

Вотъ что!.. Ну, такъ утѣшить, успокоить?— и я льну къ нему, къ этому незнакомому изуродованному человѣку, и силюсь шепнуть ему: не отчаявайся—твой часъ близокъ, еще немного,—и ты будешь свободенъ; тамъ, гдѣ я, тамъ лучше, чѣмъ на этомъ обломкѣ, въ холодной, соленой водѣ, разъѣдающей твои раны... вѣрь!— лучше!..

О, радость! онъ слышитъ меня!

Я вижу—онъ уже не чувствуетъ, какъ его блѣдное лицо захлестываетъ волной, не сознаетъ, что вмѣсто дыханія въ его горлѣ хрипитъ морская вода, а глаза (ахъ, эти глаза!) уже не съ тоской отчаянія, а съ теплой любовью и лаской бросаютъ тускнѣющій взоръ на низкія, дымныя тучи...

Но бой? Какъ странно... какъ нелѣпо... Я могу увидѣть все, что захочу; могу быть всюду, куда направлю свою мысль, — и не могу сосредоточиться, не могу охватить во всей полнотѣ картину, въ которой, казалось-бы, заключается вся суть, весь смыслъ моей прошлой жизни... Я вижу корабли, то въ одиночку, то группами, движущіеся по поверхности моря... начинаю различать броненосцы отъ крейсеровъ, вижу силуэты миноносцевъ, огни выстрѣловъ, клубы дыма... и вдругъ—мое вниманіе привлекаетъ при-

чудливая звѣзда трещинъ, образовавшихся на броневой плитѣ отъ удара снаряда; я слѣжу за ихъ прихотливыми извилинами,—и мнѣ все равно, чья это плита—наша или чужая...

Я возмущенъ! я негодую!..

Россія!—вѣка исторіи, сотни поколѣній, милліарды душъ, служившихъ тебѣ при жизни, Богъ земли русской!—гдѣ вы?

И едва эта мысль мелькнула во мнѣ, какъ я почувствовалъ, что я уже не одинъ, что меня уже не кружитъ и не бросаетъ во всѣ стороны вихрь мысли, вырвавшейся изъ оковъ земной жизни. Какой-то свѣтъ окуталъ и пронизалъ меня. Какая-то сила поставила меня надъ моремъ и сказала: смотри!

Я увидѣлъ... Боже! что я увидѣлъ!.. Для меня не было ничего тайнаго; мой духъ проникалъ всюду и все обнималъ; мысли, впечатлѣнія не спутывались, но каждое воспринималось вполнѣ отчетливо, во всей полнотѣ, во всѣхъ подробностяхъ...

Только это были странныя, необычныя подробности. — Я видѣлъ больше, чѣмъ могъ бы видѣть при жизни, имѣя тысячи глазъ и обладая даромъ вездѣсущности...

Все вокругъ меня было свѣтомъ и жизнью, жизнью духа. Каждый атомъ матеріи былъ одухотворенъ, но каждый въ своей мѣрѣ.

На западѣ еще догорала заря; съ востока надвигалась ночь, но земной сумракъ не пре-

пятствовалъ мнѣ видѣть все, озаренное свѣтомъ жизни, таящее въ себѣ огонь вѣчности. Море и тучи надъ нимъ едва мерцали невѣрными переливчатыми тонами; на ихъ фонѣ свѣтились корабли... каждый по своему...

Вотъ въ сторонѣ ярко вспыхнуло голубовато-бѣлое пламя...

Что здѣсь происходитъ? Почему оно кажется мнѣ такимъ дорогимъ и близкимъ?..—Избитый корабль, безъ мачтъ, безъ трубъ, накренившійся на лѣвый бокъ, объятъ заревомъ пожара, но ярче этого зарева окутываетъ его, умирающаго, ослѣпительное облако огня вѣчности. Все въ немъ преображено. Звучнѣе небеснаго грома выстрѣлы его двухъ уцѣлѣвшихъ пушекъ; ярче молніи огни ружейныхъ выстрѣловъ жалкой кучки его послѣднихъ защитниковъ; гулъ минныхъ взрывовъ тонетъ въ мощномъ раскатѣ предсмертнаго „ура“! погибающихъ, и передъ его голубовато-бѣлымъ свѣтомъ блѣднѣютъ, скрываются во мглѣ горящіе багрянымъ огнемъ силуэты японскихъ миноносцевъ.

И мое сердце полно и гордости, и счастья... О! если и вездѣ такъ, то побѣда наша!..

Но что это? тотъ же голубовато-бѣлый отблескъ... корабли... нѣсколько кораблей, но слабо, едва мерцаютъ во тьмѣ и уходятъ, уходятъ прочь, на югъ...

Вздоръ! вздоръ!—не хочу! не то...

Вотъ другіе!—идутъ на сѣверъ правиль-

нымъ строемъ... Усталыя, сумрачныя лица... Я стараюсь близко, вплотную разглядѣть ихъ... и не могу—такъ смутенъ и невѣренъ этотъ священный огонь, который горитъ въ нихъ...

А дальше? Что за облако багроваго пламени?.. Это „они"... Я вглядываюсь ближе:—тоже измученные, слабые люди... вотъ одинъ, другой, третій—имъ, кажется, все равно; они уже совсѣмъ потемнѣли, ихъ духъ истомился...

И вдругъ—могучій, животворящій лучъ пронизываетъ ихъ и воскрешаетъ къ жизни.

Откуда?—съ востока.

Съ востока поднимается это багровое зарево, поразившее меня; это духъ народа, духъ всей Японіи, спѣшащій поддержать и укрѣпить своихъ борцовъ; полнеба въ пламени, и мнѣ мнится, я вижу въ немъ миріады тѣней, отблесковъ давно угасшихъ и еще ярко горящихъ жизней: рабы, чернь, ремесленники, купцы, самураи, дайміо, феодальные владѣтели, сіогуны, микадо, легендарные герои... и сама—ихъ прародительница—богиня солнца—лучезарная Аматерасу... они всѣ здѣсь, всѣ съ „ними"...

Мнѣ страшно!.. Мнѣ страшно взглянуть туда, на западъ...

Я хочу не видѣть! и не могу не видѣть... долженъ!..

На поверхности моря чуть мерцаютъ тутъ и тамъ голубовато-бѣлые огни... одинокіе, затерянные во мракѣ...

И ни одинъ лучъ не тянется къ нимъ съ далекой родины...

Неужели ни одинъ? неужели ничего?..

Кажется, какъ будто что-то блеснетъ порой, но не въ силахъ пробиться черезъ тяжелыя тучи... О, если-бы я могъ позвать! если-бы я могъ крикнуть: Россія!..

Но на мой отчаянный зовъ—ни проблеска свѣта; тьмой и холодомъ дышетъ западъ; дымныя тучи свиваются въ клубы, и въ отблескѣ багроваго зарева среди нихъ мерещатся мнѣ отвратительныя чудовища, борящіяся другъ съ другомъ...

Холодъ и ужасъ... и боль... нестерпимая боль... Что дѣлать?..

. . . .

Кто - то поправляетъ раненую ногу, подвернувшуюся на качкѣ...

—Это ничего,—лихорадка; это всегда бываетъ; вотъ я васъ укрою потеплѣе,—слышится чей-то голосъ...

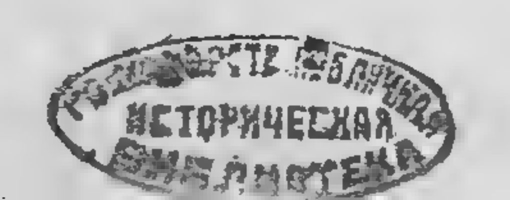
Я открываю глаза и вижу фельдшера, который возится надо мною...

Такъ это былъ бредъ?—Конечно, бредъ, нелѣпый, лихорадочный бредъ!.. Кто-же посмѣетъ сказать... подумать—„Одни"... Нѣтъ! Какъ одни, когда за нами—Россія!..

. . . .

Какъ горько я ошибался!..

Іюнь 1905.
Сасебо. Госпиталь.

Русскія и японскія силы, встрѣтившіяся подъ Цусимой.

Командующій составъ.

Русскіе.
Командующій эскадрой вице-адмиралъ Рожественскій.

Японцы.
Командующій флотомъ адмиралъ Того.

Начальники эскадръ.

I эскадра—в.-а Мидзу.
II эскадра—в.-а Камимура.
III эскадра—в.-а Катаока.

Начальники отрядовъ.

К.-а. Фелькерзамъ *).
К.-а. Небогатовъ.
К.-а. Энквистъ.
Кап. I ранга Шеинъ.

В.-а. Дева.
В.-а. Уріу.
К.-а. Того (младшій).

---

*) Умеръ отъ болѣзни за 2 дня до боя.

Младшіе флагманы.

К.-а. Ямада.
К.-а. Симамура.
К.-а. Такетоми.
К.-а. Огура.
К.-а. Хосоя.
К.-а. Насинова.

Судовой составъ.

Главныя силы.

I брон. отрядъ.

«Князь Суворовъ».
«Имп. Александръ III».
«Бородино».
«Орелъ».

II брон. отрядъ.

«Ослябя».
«Сысой Великій».
«Наваринъ».
«Адмиралъ Нахимовъ».

III брон. отрядъ.

«Имп. Николай I».
«Сенявинъ».
«Апраксинъ».
«Ушаковъ».

I эскадра.

«Миказа».
«Сикисима».
«Фудзи».
«Асахи».
«Кассуга».
«Ниссинъ».

II эскадра.

«Идзумо».
«Якумо».
«Асама».
«Адзума».
«Токива».
«Ивате».

Крейсера.

Крейсерскій отрядъ.

«Олегъ».
«Аврора».
«Дмитрій Донской».
«Владиміръ Мономахъ».

Развѣдочный отрядъ.

«Свѣтлана».

III эскадра.

1-й отрядъ:

«Ицукусима».
«Мацусима».
«Хасидате».
«Чинъ-Іенъ».

2-й отрядъ.

«Сума».
«Чійода».
«Идзуми».
«Акицусю».

3-й отрядъ.

«Касаги».
«Читозе».
«Отова».
«Ніитака».

4-й отрядъ.

«Нанива».
«Такачихо».
«Цусима».
«Акаси».

Вспомогательные крейсера.

«Алмазъ».
«Уралъ».

16 вспомогательныхъ крейсеровъ.

Крейсера, назначенные для совмѣстныхъ дѣйствій съ миноносцами

(прикрытія своихъ и отраженія непріятельскихъ).

«Жемчугъ».	«Тойохаси».
«Изумрудъ».	«Майя».
	«Такао».
	«Чихайя».
	«Тацута».
	«Удзи».
	«Яйеяма».
	«Чоокай».
	«Ямато».
	«Цукуса».

Минныя суда.

9 дестроеровъ.	25 дестроеровъ.
	12 миноносцевъ I класса.
	55 миноносцевъ II класса.
	13 миноносцевъ III класса.

